
0 25/1171

„Конецъ Польши" и Суворовъ.

Сообщеніе, прочитанное 26 Февраля 1900 г. на 25-мъ Обыкновенномъ Общемъ Собраніи членовъ Общества ревнителей военныхъ знаній Дѣйствительнымъ членомъ Общества Ординарнымъ Профессоромъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба Полковникомъ

П. А. Гейсманомъ.

С.-Петербургъ.
Экономическая Типо-литографія. В. О., 13 л., Иностранный пер., д. 4.
1900.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 5 Іюня 1900 г.

„Конецъ Польши“ и Суворовъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ ноябрѣ 1863 г., по поводу протеста князя А. А. Суворова противъ чествованія выдающагося дѣятеля по довершенію объединенія Россіи, поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ обратился къ нему съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь!..

—

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;

—

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ
И бѣдное замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?

—

Кто избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленію,
На зло увы! и пошлостямъ роднымъ.

—

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

—

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ замѣчательно вѣрно схватилъ самую сущность изслѣдуемаго нами вопроса и отмѣтилъ разногласіе въ отношеніи его пониманія, существовавшее среди русскихъ людей, какъ въ XVIII столѣтіи, такъ и въ теченіе всего XIX вѣка.

Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію истины, какъ не въ исторіи?

Для разъясненія всего поставленнаго мною вопроса необходимо отвѣтить на ниже поставленные частные вопросы и этимъ путемъ выяснить, какое мѣсто должно быть отведено Суворову въ ряду тѣхъ русскихъ людей, общими усиліями которыхъ Польша была уничтожена.

I. Что такое представляла изъ себя извѣстная въ исторіи „Польша", какъ государство?

Въ IX вѣкѣ западныхъ славянъ тѣснили грозные и неутомимые враги, тѣ самые, которые распространяли среди ихъ желѣзомъ и кровью ученіе, основанное на кротости и любви къ ближнему. Это и вызвало образованіе небольшаго польскаго государства, обнимавшаго земли по средней Одрѣ съ Вартою и по средней Вислѣ, съ центромъ тяжести въ нынѣшней познанской области (*Гнѣзно*). Въ концѣ X вѣка поляки принимаютъ христіанство и подчиняются вліянію Запада, т. е. нѣмцевъ и Рима.

Болеславъ I Храбрый (992—1025) бьетъ нѣмцевъ, становится независимымъ королемъ Польши, раздвигаетъ ея предѣлы и пытается образовать славянскую имперію, какъ противовѣсъ имперіи римско-германской; но его преемники не въ силахъ продолжать его дѣло и Польшѣ приходится лишь отстаивать свое самобытное существованіе.

При Болеславѣ I польскій народъ уже раздѣленъ на вполнѣ свободныхъ землевладѣльцевъ — *шляхту* и лично свободныхъ, но податныхъ *кметовъ*, не считая крѣпостныхъ, вѣрнѣе *рабовъ*. Шляхта—многочисленное ядро народа, преимущественно вооруженная, воинская его часть; она обязана военною службою по отношенію къ королю; это и ея обязанность, и ея право. Военная служба становится ремесломъ и принадлежностью благороднаго класса общества.

Королевская власть и послѣ Болеслава I была еще сильна, но шляхта и выдѣлявшіеся изъ ея среды *магнаты* пользовались всѣми удобными случаями для увеличенія своихъ правъ и преимуществъ въ ущербъ верховной власти. Это и явилось первою причиною слабости Польши; второю же ея причиною была утвердившаяся въ Польшѣ въ первой половинѣ XII вѣка удѣльная система.

Вслѣдствіе этой слабости Польша не могла отстоять своихъ западныхъ родичей противъ нѣмцевъ, потеряла свою собственную область, Силезію, отошедшую къ германской имперіи, и не могла справиться даже съ *пруссами*. Одинъ изъ князей Мазовіи, Конрадъ призвалъ на помощь противъ нихъ *тевтонскій орденъ*, который, при его содѣйствіи, утвердился въ Пруссіи, а затѣмъ началъ захватывать и польскія земли.

Польша была окружена со всѣхъ сторонъ врагами: съ С. и З. нѣмцами, съ Ю.-З. чехами, съ Ю. венграми съ Ю.-В. и В. русскими и литовцами. Около половины XIII вѣка ее разгромили монголы. Ей угрожала гибель. Кое какъ она спаслась отъ этой гибели благодаря *Владиславу Локотку* (1306—1333), который объединилъ уцѣлѣвшія еще отъ поползновеній сосѣдей польскія земли.

Казиміръ III Великій (1333—1370), воспользовавшись пресѣченіемъ галицкой линіи дома Рюриковичей, присоединились къ Польшѣ русское галицкое княжество. Такимъ образомъ поляки начали „насаждать культуру" на русской почвѣ, среди русскаго народа и на погибель этому народу. Это ихъ историки и считаютъ „миссіею польскаго народа на востокѣ".

Казиміръ III былъ послѣдній Пястъ королевской линіи. Поляки устранили отъ престола удѣльныхъ Пястовъ и передали корону племяннику Казиміра III по женской линіи *Людовику Венгерскому* (1370—1382), но за то заставили его увеличить права магнатовъ и шляхты на столько, что съ тѣхъ поръ король не могъ направлять государственныя дѣла безъ ихъ участія.

Въ 1386 г. магнаты заставили дочь Людовика, королеву *Ядвигу* выйти замужъ за Ягайлу (Ягелло) Ольгердовича, великаго князя литовскаго и русскаго. Объясняется это тѣмъ, что хотя Литва и враждовала съ Польшею, но являлась для нея наилучшимъ союзникомъ въ борьбѣ противъ общаго врага, тевтонскаго ордена. Литвѣ угрожалъ сверхъ того и другой, нѣмецкій же орденъ *меченосцевъ*, утвердившійся у устьевъ Западной Двины. Соединенныя силы обоихъ орденовъ, подкрѣпляемыя приливомъ рыцарства главнымъ образомъ изъ Германіи, угрожали самому существованію Литвы (подъ предлогомъ обращенія въ христіанство). Но во главѣ Литвы, въ первой половинѣ XIV вѣка, сталъ талантливый князь Гедиминъ. Онъ объединилъ, Литву, присоединилъ къ ней княжества волынское, кіевское и черниговское и нѣкоторыя другія русскія земли, принялъ титулъ *великаго князя литовскаго и*

русскаго и образовалъ сильное государство, въ которомъ литовцы преобладали, какъ побѣдители, а численное и культурное преобладаніе принадлежало русскимъ. Сынъ его Ольгердъ (1341—1377) расширилъ предѣлы этого государства, обнимавшаго при немъ всю Бѣлую, Черную, Малую и даже часть Великой Руси. Это было государство почти русское, мало отличавшееся отъ московскаго. Естественно, между обоими русскими государствами возникла борьба, которая должна была окончиться подчиненіемъ одного изъ нихъ другому, т. е. объединеніемъ всей Руси.

Къ этому и стремились даровитѣйшіе изъ великихъ князей, какъ Московской, такъ и Литовской Руси, а въ ихъ числѣ и Ольгердъ Гедиминовичъ, женатый на русской княжнѣ и тайно принявшій православную вѣру. Но не такъ понималъ этотъ вопросъ сынъ его Ягайло (1377—1434). Онъ не могъ справиться, ни съ нѣмецкими орденами, ни съ подручными удѣльными князьями, и искалъ опоры. Бракъ съ польскою королевою давалъ ему эту опору и блескъ королевской короны. Его не останавливала необходимость принятія католичества. Онъ надѣялся, что оно дастъ ему покровительство папы и остановитъ нѣмцевъ. Наконецъ совмѣстная борьба Польши и Литвы противъ тевтонскаго ордена должна была быть болѣе успѣшною, чѣмъ отдѣльныя ихъ дѣйствія. Поэтому Ягайло и крестился вторично *), женился на Ядвигѣ, сдѣлался польскимъ королемъ, обратилъ

*) По католическому обряду. Польскіе историки замалчиваютъ первое его крещеніе по православному обряду, при которомъ онъ былъ нареченъ Яковомъ.

литовцевъ въ католичество и положилъ начало соединенія Литвы и Руси съ Польшею. Первоначально это соединеніе было слабо и не прочно, но, съ теченіемъ времени, оно все болѣе и болѣе укрѣплялось и упрочилось окончательно „Люблинскою уніею“ 1569 года.

Образовавшееся этимъ путемъ *польско-литовско-русское* государство явилось могущественнѣйшею державою въ восточной Европѣ. На него выпадала задача объединить славянскій міръ и создать противовѣсъ, какъ германской имперіи, такъ и угрожавшей всей Европѣ турецкой монархіи. Но оно было не въ силахъ рѣшить эту задачу.

Препятствовала тому слабость его государственнаго и военнаго устройства, которую Польша привила Литвѣ съ Западною Русью, тщательно вытравивъ изъ нихъ чуть ли не всѣ устои государственнаго порядка и общественной дисциплины, а равно и почти всѣ особенности національнаго военнаго устройства.

При вступленіи на польскій престолъ Ягайлы подъ именемъ *Владислава II* (1386—1434) король не могъ уже приказывать шляхтѣ слѣдовать подъ его знаменами, но долженъ былъ ее просить. Закрѣпощеніе народа, вторженіе съ запада феодальныхъ понятій и столкновенія съ народами, имѣвшими сильную конницу, привели къ преобладанію этого рода оружія и въ Польшѣ.

Шляхетская конница вела бой подобно феодальнымъ войскамъ Западной Европы. Своею отвагою и стремительностью атакъ она рѣшала нерѣдко участь сраженій и пріобрѣла громкую славу. Но эти блестящіе успѣхи приносили мало пользы, такъ какъ конница

эта долго на службѣ не оставалась, а короли не имѣли средствъ для того, чтобы содержать въ достаточномъ числѣ наемныя войска. Къ концу XIV вѣка военное устройство Польши приняло почти такой же одностороннiй характеръ, какой до того времени господствовалъ въ Западной Европѣ, и при этомъ, отжившемъ свое время, военномъ устройствѣ, съ нѣкоторыми лишь дополненiями и измѣненiями, Польша оставалась и въ новые вѣка, т. е. въ то время, когда Западная Европа двинулась впередъ. Отсюда — отсталость Польши въ военномъ отношенiи.

Тѣмъ не менѣе соединенiе Польши съ Литвою и Русью, на первыхъ порахъ, дало себѣ чувствовать нѣмцамъ. Въ 1410 г. Ягайло и двоюродный братъ его *Витовтъ*, великiй князь литовскiй и русскiй, сосредоточивъ не менѣе 100,000 (по максимальному опредѣленiю 163.000) чел., раздавили значительно слабѣйшiя войска ордена въ сраженiи при *Грюнвальдѣ* и *Танненбергѣ*, а сынъ Ягайлы *Казимiръ II* (1447—1492) довершилъ ихъ дѣло и возвратилъ отъ ордена захваченныя имъ польскiя земли, присоединивъ также западную Пруссiю и часть Поморья; при этомъ орденъ призналъ вассальную зависимость отъ Польши и сохранилъ за собою лишь восточную Пруссiю, преобразовавшуюся, въ 1525 году, въ вассальное же по отношенiю къ Польшѣ *прусское* герцогство.

Наступленiю нѣмцевъ на востокъ былъ положенъ предѣлъ. Польша выполнила часть упомянутой исторической задачи, но здѣсь она этимъ и ограничилась.

Кое-что она сдѣлала и на южномъ фронтѣ, задерживая распространенiе могущества турокъ и т. п.; но, въ общемъ,

заслуги ея не особенно велики.—За то громадны ея грѣхи, какъ представительницы славянскаго міра.

Въ XV вѣкѣ Русь Московская, стряхнувъ съ себя иго татаръ, вступила на путь самостоятельнаго развитія. Но ей пришлось потратить много времени и усилій, чтобы устранить всѣ преграды въ этомъ направленіи, а въ ряду этихъ преградъ наиболѣе роковою была та китайская стѣна, которую воздвигла между нею и Европою славянская Польша, основавшая свою политическую программу на систематическомъ братоубійствѣ. Отступивъ на западѣ предъ нѣмцами и отдавъ имъ западныхъ славянъ отъ Лабы и далеко за Одру, она распространялась на востокъ на счетъ русскихъ и, въ общемъ, измѣнила славянскому знамени, правда, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (культурной слабости и внутреннихъ неустройствъ).

Такимъ образомъ Польша сыграла *отрицательную* роль въ исторіи славянскаго міра, равно какъ и въ исторіи развитія военнаго искусства въ восточной Европѣ, въ смыслѣ пріостановки и даже извращенія естественнаго хода его развитія.

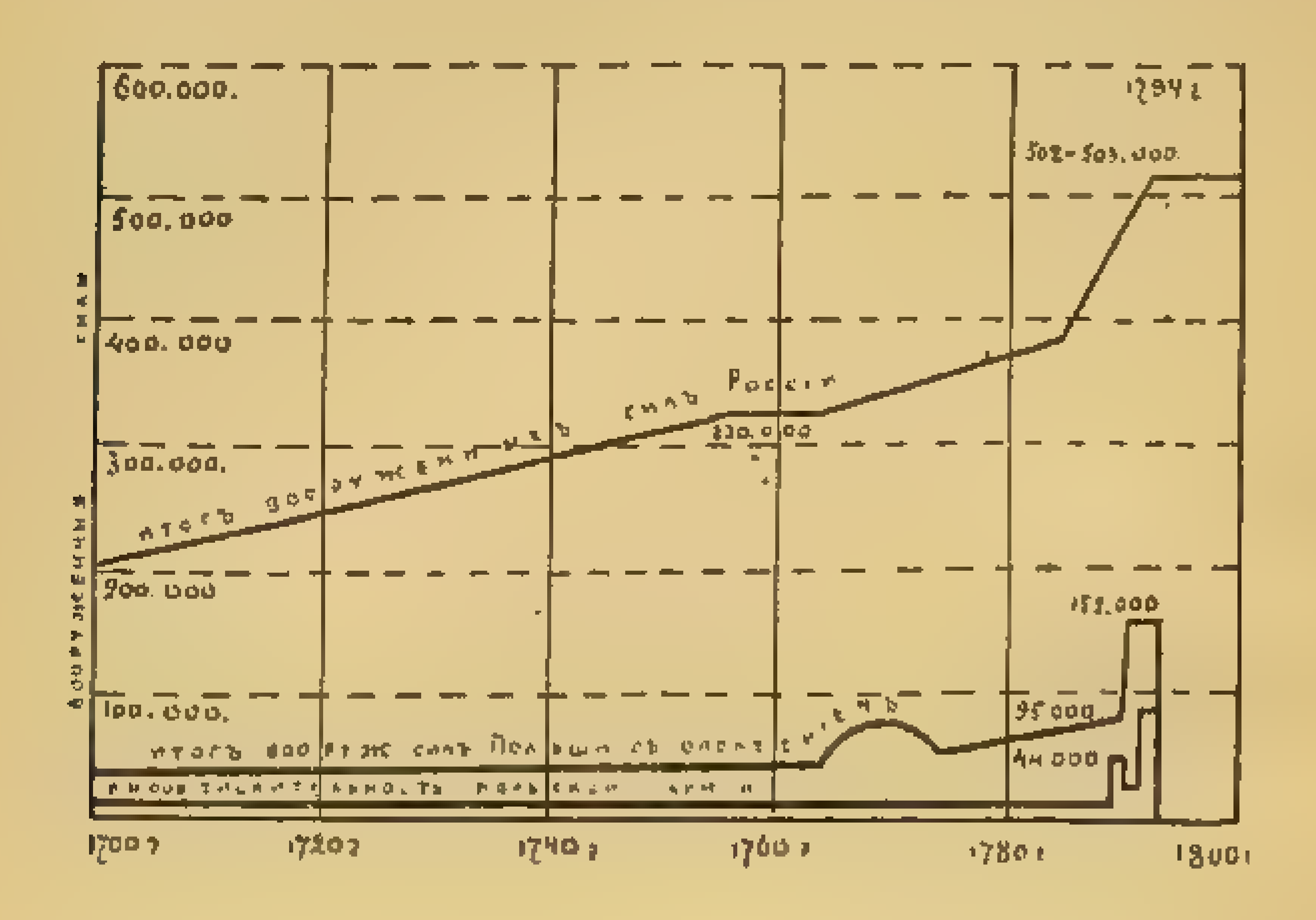
Но, вредя другимъ, Польша вредила и себѣ. Ягайловичи (Ягеллоны) принесли ей, правда, въ жертву свое наслѣдственное государство, но за то образовали польско-литовско-русское государство, въ которомъ русскіе составляли около половины, а поляки съ литовцами только $^{2}/_{5}$ всего населенія, т. е. господствовавшая народность уступала въ численномъ отношеніи народности, все болѣе и болѣе угнетаемой и имѣвшей милліоны братьевъ по крови въ Руси Московской и десятки милліоновъ

единовѣрцевъ въ разныхъ православныхъ земляхъ. Естественно, русскіе подданные польскаго короля находили поддержку у тѣхъ и другихъ. Хотя эта поддержка и была слаба, но все же она способствовала сохраненію въ западной Руси народности русской и вѣры православной. Поляки, руководимые іезуитами, успѣли, правда, ополячить и окатоличить почти все западно русское дворянство и совратить въ унію часть западно-русскаго народа. Тѣмъ не менѣе этотъ русскій народъ жилъ и одно его существованіе представляло источникъ неизлечимой болѣзни польскаго государственнаго организма, который долженъ былъ неминуемо разложиться тѣмъ болѣе, что, послѣ соединенія Польши съ Литвою и Русью, короли лишились вскорѣ даже и тѣни власти и авторитета.

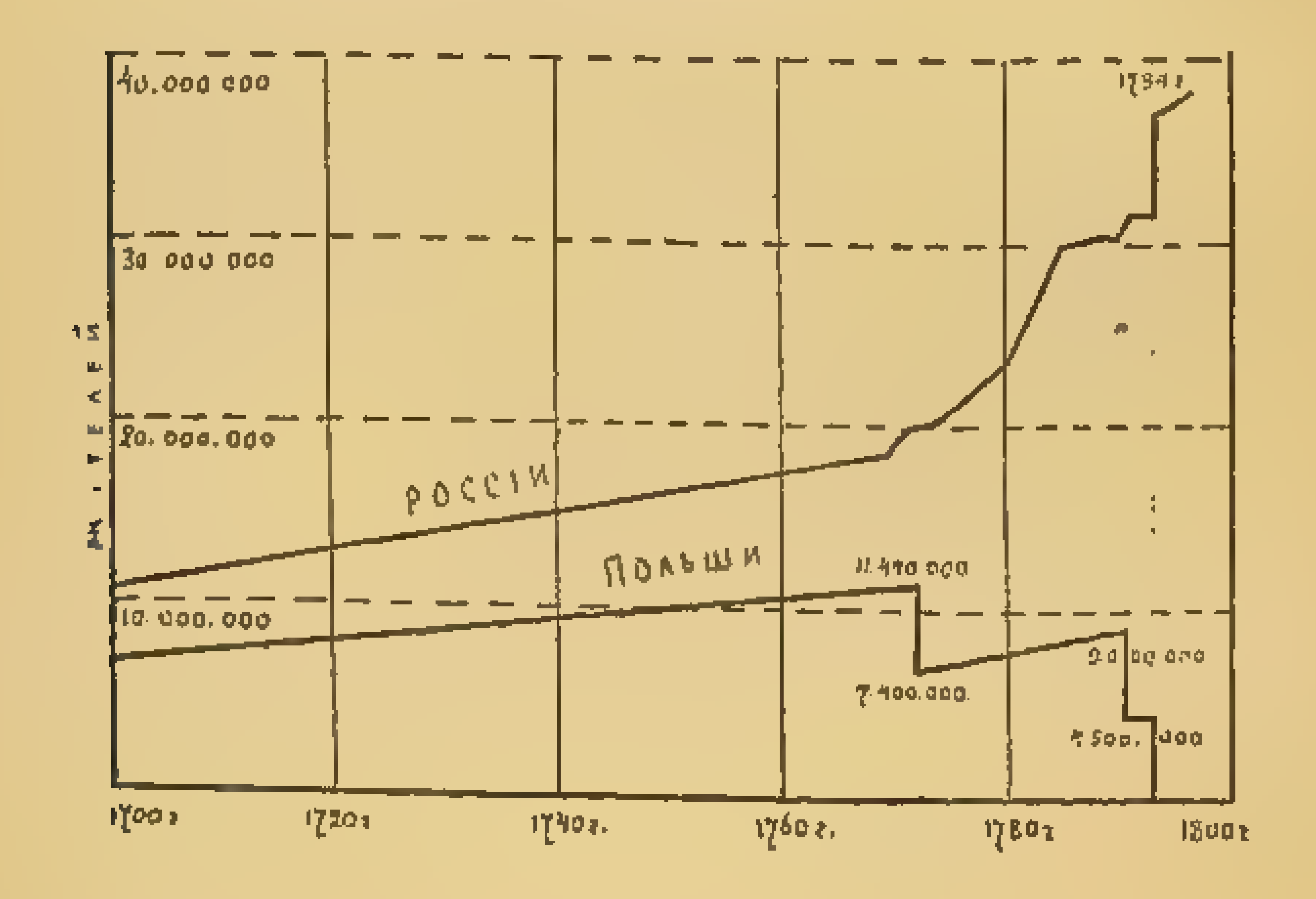
Верховная власть въ „Рѣчи Посполитой" принадлежала избираемому пожизненно *королю*, *сенату* (изъ высшихъ сановниковъ) и *сейму* (изъ представителей дворянства отдѣльныхъ воеводствъ и земель). Сеймъ имѣлъ значеніе не то общегосударственнаго представительнаго собранія, не то международнаго конгресса, который былъ безсиленъ по отношенію къ областнымъ сеймикамъ подобно тому, какъ въ средніе вѣка сюзеренъ былъ безсиленъ по отношенію къ своимъ вассаламъ. Мало того, Польша, съ ея исключительно шляхетскимъ землевладѣніемъ, съ безграничною свободою шляхты, съ рабствомъ крестьянъ, съ городами, едва влачившими свое жалкое существованіе, съ жидами, высасывавшими послѣдніе соки изъ народа и т. п.,— эта Польша напоминала самыя худшія времена феодализма.

Что же дѣлалъ однако пресловутый сеймъ? Спа-

Ростъ вооруженныхъ силъ Польши и Россіи въ XVIII вѣкѣ.

Ростъ населенія Польши и Россіи въ XVIII вѣкѣ.

чала онъ приносилъ еще нѣкоторую пользу, а затѣмъ, начиная съ XVII вѣка, одинъ только вредъ. Рѣшеніе могло быть постановлено только при условіи *единогласія*, добиться котораго было почти невозможно. Каждый „посолъ“ могъ парализовать волю короля, сената и всѣхъ своихъ товарищей, закричавъ „*veto*“ (не позволяю), т. е. могъ „сорвать“ сеймъ. Обыкновенно сеймы и срывались, а безъ нихъ король и сенаторы не могли принять важныхъ рѣшеній и занимались лишь мелкими вопросами политики и управленія. Такимъ образомъ въ Польшѣ недоставало оздоравливающаго фактора, правительства (въ истинномъ смыслѣ этого слова), которое могло бы совокупить около себя разрозненныя общественныя силы и придать имъ единое направленіе. Въ основѣ устройства Рѣчи Посполитой коренились безпорядокъ и анархія, достигшіе такой степени развитія, далѣе которой идти было невозможно.

Сами поляки дали отличную характеристику этого состоянія своего отечества извѣстною поговоркою: „*Польша живетъ безнарядьемъ*“.

Численность арміи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, не превышала 10—11.000 чел. Съ войсками магнатовъ и шляхетскимъ ополченіемъ вооруженныя силы Польши могли бы дойти до 60.000 и даже до 100.000 чел., но ни одинъ король не могъ расчитывать на то, чтобы магнаты отдали ему свои войска и чтобы шляхта согласилась нести военную службу. Мало того, при вторженіи врага, большая или меньшая часть шляхты и магнатовъ могла стать на сторону непріятеля, а на народныя массы нельзя было вовсе разсчитывать.

Существенное упорядоченіе польскаго государствен-

наго организма было не возможно. Это былъ *безнадежно больной человѣкъ*, который не имѣлъ средствъ, чтобы попытаться поправиться посредствомъ надлежащаго леченія, и, въ то же время, не имѣлъ силъ, чтобы выдержать подобное леченіе! Остается удивляться лишь тому, какъ онъ могъ жить, какъ онъ существовалъ!

II. Отношенія Польши къ другимъ государствамъ.

Отказавшись отъ роли, приличествовавшей могущественнѣйшей славянской державѣ, и принявъ на себя „миссію насажденія культуры“ на русской почвѣ и среди русскаго народа, Польша превратилась въ авангардъ романо-германскаго міра, но, не смотря на это, не могла ждать отъ него пощады.

Наиболѣе опаснымъ и неумолимымъ врагомъ Польши была Пруссія, которая унаслѣдовала отъ тевтонскаго ордена борьбу съ Польшею, вытекавшую изъ самаго способа образованія этого ордена на счетъ жизненныхъ интересовъ Польши. При соединеніи герцогства Пруссіи съ Брандербургіею въ одну монархію польскія владѣнія по нижней Вислѣ мѣшали сліянію двухъ главныхъ частей этого государства въ одно цѣлое. Польша являлась оплотомъ католицизма, тогда какъ Пруссія подняла знамя протестантизма; отсюда —борьба. Наконецъ, слабость Польши была опасна для Пруссіи, такъ какъ создавала для Россіи благопріятныя условія на случай борьбы ея съ Пруссіей. По этому Пруссія стремилась къ раздробленію Польши съ возможно большими выгодами для себя. Это втягивало сюда же и Австрію, ревниво слѣдившую за усиленіемъ Пруссіи и повсюду

старавшуюся получить какое-нибудь территоріальное приращеніе.

Остальныя Европейскія державы и Турція относились къ Польшѣ частью безразлично, частью дружелюбно.

Однако и послѣднія (не исключая даже Франціи), не могли оказать ей дѣйствительной помощи; для сосѣдей же она представляла поприще удобное для утвержденія своего вліянія или какъ бы обширный постоялый дворъ, въ которомъ могъ остановится и хозяйничать всякъ, кто обладалъ необходимою для этого силою.

Такимъ образомъ Польша не внушала къ себѣ въ Европѣ уваженія, а славянскому міру приходилось относится къ ней, какъ къ тому сыну, о которомъ сказано въ извѣстной притчѣ, но только едва ли онъ возвратится когда либо въ домъ отца.

III. Отношенія Польши къ Россіи до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II.

Распространеніе поляковъ на востокъ, принимая, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ, вызвало непримиримую вражду между обѣими сторонами. Русь не могла не чувствовать, что Польша отхватываетъ чуть ли не цѣлую ея половину.

Іоаннъ III Великій (1462—1505) ясно понималъ необходимость устранить сильнѣйшую преграду на пути развитія Руси Московской, каковою была Польша. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ преемникъ Владиміра Св., Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Іоанна Калиты и Димитрія Донского, какъ „Го-

сударь всея Руси", высоко державшій русское православное знамя, онъ стремился къ возвращенію захваченныхъ Литвою и Польшею русскихъ земель.

Отправляя пословъ къ внукамъ Ягайлы королямъ Владиславу Чешскому и Александру Польскому, онъ велитъ сказать имъ слѣдующее *„ино вѣдомо самимъ королемъ Владиславу и Александру, что они вотчичи Польского Королевства да Литовскія земли, а русская земля, отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина"*. Онъ ведетъ войны съ Литвою и Польшею и заключаетъ союзъ противъ нихъ съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, при чемъ не находитъ возможнымъ заключить миръ, а только перемиріе „того для, чтобы.... тѣ городы окрѣпити, которые.... взялъ". Іоаннъ III и начинаетъ многовѣковую борьбу за объединеніе Руси.

Политику его продолжали сынъ Василій III (1505—1533) и внукъ Іоаннъ Грозный (1583—1584).

Во время междуцарствій въ Польшѣ сильная партія хотѣла избрать въ короли сначала царя Грознаго, а затѣмъ Ѳеодора Іоанновича (1584—1598), но оба они не соглашались перейти въ католичество и требовали первенства для Московскаго государства. Ихъ не прельщало кажущееся величіе, сопряженное съ занятіемъ польскаго престола и требовавшее признанія главенства еретика римскаго папы и униженія родной Москвы. Они стремились лишь къ возвращенію отъ Польши русскихъ земель. Но московское государство было еще слабо для выполненія этой задачи.

Настало смутное время. Въ лицѣ Сигизмунда III и Владислава католицизмъ и Польша посягали на пра-

вославную вѣру и независимость даже и Великой Россіи, которой готовилась участь, постигшая уже Русь Червонную, Черную, Бѣлую и Малую. Но выработавшая прочную государственную организацію Русь Великая возстала противъ латинско-польскихъ притязаній, отвергла Сигизмунда и Владислава, призвала на царство Михаила Ѳеодоровича Романова (1613—1645) и изгнала поляковъ изъ своихъ предѣловъ. Ослабѣвъ, однако, въ тяжелой борьбѣ, Русь Великая должна была уступить Польшѣ „Смоленскъ.... Рославль.... Черниговъ, Стародубъ“ и т. д. (по вѣчному миру 1634 года). Во всякомъ случаѣ наступательному движенію Польши на востокъ былъ положенъ предѣлъ. Съ этихъ поръ Русь Великая крѣпнетъ и вскорѣ возобновляетъ обратное движеніе на западъ, съ цѣлью возвращенія западно русскихъ земель.

„Вѣчный миръ“ продолжался только 20 лѣтъ. Русь Малая не могла примириться съ польскимъ игомъ и гнетомъ и возстала противъ „ляховъ“. Казаки и народъ малороссійскій произвели жестокую рѣзню, били поляковъ и въ бояхъ, но сами освободиться не могли. Въ 1654 году, на радѣ въ Переяславлѣ, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій спросилъ собравшихся старшину, казаковъ и весь народъ малороссійскій, кого хотятъ выбрать въ государи: турецкаго ли султана, или крымскаго хана, или польскаго Короля, или православнаго Великой Россіи Государя?... Султанъ и ханъ бусурмане. „Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ сами знаете, что лучше жида и пса нежели христіанина, брата нашего почитали. А православный великій государь.... единаго съ нами благочестія.... едино мы тѣло церковное съ

православіемъ Великой Россіи.... кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ"... Тогда всѣ завопили: *„Волимъ подъ царя Восточнаго православнаго"!...*

Такъ отдалась царю *Алексѣю Михайловичу* (1645—1676) Русь Малая, а Русь Бѣлую и Черную съ частью Литвы завоевалъ онъ самъ, начавъ тогда же войну за объединеніе Руси. Войска царскія и малороссійскія дошли до линіи Ковна—Гродна—Люблинъ—Львовъ. Между тѣмъ и шведскій король Карлъ X Густавъ объявилъ Польшѣ войну и овладѣлъ почти всѣми остальными ея областями.

Возникъ *проектъ раздѣла Польши.* Если онъ не былъ осуществленъ тогда же, то этимъ поляки обязаны Россіи, которая позволила имъ сосредоточить ихъ силы противъ Шведовъ. Затѣмъ, заключивъ миръ съ Швеціею, поляки обратились противъ Россіи. Война затянулась до 1667 года, когда было заключено Андрусовское перемиріе и только въ 1686 году поляки добились заключенія новаго „вѣчнаго мира", по которому за Россіею остались земли по лѣвому берегу Днѣпра съ Кіевомъ и Смоленскомъ.

Столь незначительные результаты всѣхъ усилій Руси Московской въ этомъ направленіи были слѣдствіемъ уклоненія отъ программы Іоанна III, которое объясняется слабостью Россіи въ военномъ отношеніи, а также слабостью оцѣнки нашими дипломатами XVII вѣка тогдашней политической обстановки, нежеланіемъ или неумѣньемъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для сведенія счетовъ съ Польшею и т. п.

Удержать всю Рѣчь Посполитую въ рукахъ Россіи

было невозможно. Оставалось вступить въ соглашеніе съ другими державами о *раздѣлѣ* Польши, или не упускать удобныхъ случаевъ для возвращенія отъ нея западно-русскихъ земель. Московскіе дипломаты при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ прельстились перспективою избранія царя въ польскіе короли, а при царевнѣ Софіи слишкомъ легко согласились на заключеніе „вѣчнаго мира". Впрочемъ это въ значительной степени объясняется сложностью тогдашней политической обстановки. Турки угрожали столицѣ германскихъ императоровъ, Вѣнѣ. Явилась мысль о *священномъ союзѣ* христіанъ противъ турокъ. Императоръ и польскій король постарались привлечь къ этому союзу и Россію. Это и привело къ „вѣчному миру" 1686 года. Поляки были имъ недовольны, но онъ былъ выгоденъ именно для Польши, которая могла продолжать полонизацію и латинизацію западной Руси.

При *Петрѣ Великомъ* (1689—1725) Россія стала налегать уже на всю Польшу и ставить ее отъ себя въ зависимость. Первоначально царь предполагалъ пользоваться силами Польши и короля Августа II въ борьбѣ противъ Швеціи. Увидѣвъ затѣмъ, что отъ нихъ нельзя ожидать такой помощи, какая была ему нужна, онъ сталъ смотрѣть на Польшу, какъ на источникъ средствъ для продовольствованія русскихъ войскъ, которыя проходили черезъ нее или останавливались на ея территоріи. Это вызывало среди поляковъ неудовольствіе. Нужно было поддерживать возможно лучшія отношенія съ Польшею и не допускать ее до союза, ни съ европейскими державами, ни съ Турціею. Нельзя было также допускать и превращенія ея въ наслѣдственное государство. Польша

должна была оставаться слабою до тѣхъ поръ, пока не настанетъ выгодная политическая обстановка, при которой можно будетъ покончить съ нею. Но этого не случилось до самой смерти Петра I.

При такихъ условіяхъ царь старался сохранить за собою возможно большее вліяніе на Польшу, а въ ней сохранить ея безпорядочное государственное устройство, при которомъ она не могла быть опаснымъ сосѣдомъ. Поэтому онъ явился посредникомъ между Августомъ II и возставшею противъ него Тарногродскою „конфедераціею" *) и пріобрѣлъ значеніе какъ бы покровителя Польши.

Въ тоже время царь считалъ, что Россія не можетъ отказываться отъ покровительства „диззунитамъ", т. е. православнымъ русскимъ подданнымъ Рѣчи Посполитой и неоднократно за нихъ вступался. Но это заступничество не могло быть достаточно сильнымъ, а потому поляки, уразумѣвъ, что Россія имъ ничѣмъ серьезнымъ не угрожала, именно въ это время стали особенно усиленно и съ замѣтнымъ успѣхомъ проводить полонизацію и латинизацію западной Руси.

При ближайшихъ преемникахъ Петра I, въ общемъ продолжалась та же политика, не взирая на то, что обстановка измѣнялась въ пользу Россіи. Не обходились при этомъ безъ колебаній: не всегда ясно понималась цѣль, къ которой нужно было стремиться; это

*) Такъ назывался военно-политическій союзъ поляковъ, пользовавшихся гражданскою правоспособностью, образованный ими съ цѣлью охраненія государственнаго устройства Рѣчи Посполитой и своихъ правъ и преимуществъ

влекло за собою недостатокъ энергіи въ однихъ случаяхъ, излишекъ ея въ другихъ и разныя погрѣшности въ тѣхъ и другихъ. Послѣ смерти Августа II, главнымъ образомъ благодаря Россіи, былъ посаженъ на польскій престолъ сынъ его — Августъ III (1733—1763). Новый король, отстраняя отъ себя политическія занятія и предоставляя ихъ фаворитамъ, заботился исключительно о матеріальныхъ удобствахъ и разныхъ удовольствіяхъ, прерывая ихъ по временамъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Конечно, не при такомъ королѣ могла воспрянуть Польша и это было выгодно для Россіи. Но еще выгоднѣе было бы, воспользовавшись какимъ либо благопріятнымъ моментомъ, заставить Польшу возвратить Россіи если не всѣ, то возможно большую часть западно-русскихъ земель.

Пожалуй, это и было возможно, когда Фридрихъ Великій, король прусскій поколебалъ политическую систему Европы, которая почти вся принимала участіе въ вызванныхъ имъ войнахъ за австрійское наслѣдство (1741—1748) и семилѣтней (1756—1763). Можно было войти въ соглашеніе съ одною изъ враждовавшихъ сторонъ и обусловить свою помощь вознагражденіемъ на счетъ Польши и т. п. Турція въ то время не было уже такъ сильна и опасна, какъ при Петрѣ I. Въ 1761—62 гг. Фридрихъ II для того, чтобы выйти изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился, готовъ былъ совсѣмъ уступить Россіи завоеванную ею Восточную Пруссію, лишь бы только ему было дано вознагражденіе „съ другой стороны". Можно было удержать за собою Восточную Пруссію, или же обмѣнять ее съ Польшею на ту или другую часть западной Руси. Но наши ди-

пломаты, какъ иностранцы, такъ и русскіе, воспитавшіеся подъ западно европейскимъ вліяніемъ, были мало знакомы съ исторіею Россіи, не дошли еще до уразуменія сущности программы Іоанна III, а съ программою Петра I хотя и были знакомы, но поступали по ея буквѣ, а не по духу, въ ней заключавшемуся. Поэтому и были пропущены моменты удобные для рѣшенія польскаго вопроса въ пользу Россіи до 1761 года, а затѣмъ Императоръ Петръ III не призналъ возможнымъ воспользоваться критическимъ положеніемъ Фридриха II, возвратилъ ему наши завоеванія, заключилъ съ нимъ миръ и вступилъ въ переговоры о заключеніи союза.

2-й „сепаратный артикулъ" проекта союзнаго договора предусматривалъ совмѣстное дипломатическое воздѣйствіе Россіи и Пруссіи на польское правительство, въ видахъ облегченія положенія притѣсняемыхъ поляками „диссидентовъ", понимая подъ этимъ названіемъ православныхъ и протестантовъ.

Такъ какъ Россія не пользовалась затруднительнымъ положеніемъ Пруссіи, то избѣжать ея участія въ рѣшеніи польскаго вопроса было невозможно. При такихъ условіяхъ соглашеніе съ нею было наименьшимъ изъ золъ, между которыми приходилось выбирать, такъ какъ и при этой комбинаціи Россія могла еще вознаградить себя за жертвы въ пользу Пруссіи на счетъ Польши.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1762 году, когда на престолъ всероссійскій вступила Императрица Екатерина II, придавшая политикѣ Россіи вполнѣ опредѣленное направленіе.

IV. Програма Екатерины II.

Програма Императрицы Екатерины II намѣчала рядъ цѣлей, изъ которыхъ главное значеніе принадлежало улучшенію положенія Россіи по отношенію къ Турціи и къ Польшѣ. Но въ началѣ царствованія нуженъ былъ миръ въ виду неупроченности положенія и необходимости заняться внутренними дѣлами, что и замедляло исполненіе указанныхъ цѣлей.

Тѣмъ не менѣе приходилось считаться съ тѣмъ, что въ Польшѣ ожидалась вскорѣ смерть Августа III, которую въ Петербургѣ признавали „терминомъ польскихъ дѣлъ“, т. е. такимъ моментомъ, къ наступленію котораго слѣдовало приготовиться.

Императрица тщательно изучала польскій вопросъ, но не могла не обращаться къ помощи совѣтниковъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто (по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ) занималъ въ то время *Н. И. Панинъ*, стоявшій во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и выдѣлявшійся изъ массы современниковъ умомъ и способностями. Однако любимою его мыслью было образованіе „*сѣвернаго союза*“, какъ противовѣса союзу Бурбонскихъ домовъ. Въ эту „*политическую систему*“ включалась и Польша, въ которой Панинъ полагалъ возможнымъ удерживать прежній порядокъ вещей, а самую Польшу держать подъ нашимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ Россія какъ бы возвращалась къ программѣ Петра I. Однако это не помѣшало Панину пойти по слѣдамъ такихъ елисаветинскихъ дипломатовъ, какъ Кейзерлингъ и Гроссъ, которые старались расположить русское правительство въ пользу такъ на-

зываемой „фамиліи" или могущественной партіи князей *Чарторыйскихъ*, т. е. тѣхъ именно поляковъ, которые стремились къ проведенію внутреннихъ реформъ, къ введенію сильнаго правительства и вообще къ возрожденію Польши. Теперь и Панинъ, и Чарторыйскіе старались эксплуатировать другъ друга, но Чарторыйскимъ удалось убѣдить Панина въ цѣлесообразности допущенія нѣкотораго упорядоченія Рѣчи-Посполитой, что вовсе не вязалось съ программою Петра I.

Въ Петербургѣ въ преемники Августу III намѣчался кто-нибудь изъ „фамиліи". Императрица отдала предпочтеніе Станиславу *Понятовскому* потому, что „изъ всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи".

Августъ III скончался осенью 1763 года. Представителямъ Россіи въ Варшавѣ, прежнему, графу Кейзерлингу и новому, князю *Репнину* было поручено: добиться признанія не признаннаго еще Польшею императорскаго титула русскихъ государей, сдѣлать сильнѣйшія представленія въ пользу православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, заставить возвратить захваченныя поляками части русской территоріи и т. п. *) и вообще упорядочить отношенія къ Польшѣ, которая „*преступила всѣ предѣлы благопристойности*".

Петербургскій кабинетъ предполагалъ достичь желательнаго упорядоченія отношеній *исправленіемъ границъ* и, въ то же время, ставилъ на очередь *диссен-*

*) Было также предписано посламъ покончить курляндскія дѣла согласно съ видами Россіи и т. д.

дентскій вопросъ, т. е. намѣревался заставить Польшу возвратить равноправность православнымъ и вообще христіанамъ не-католикамъ.

Вступивъ на этотъ путь, русское правительство рѣшило не вмѣшиваться болѣе въ войну Пруссіи съ Австріею. Это дало Фридриху Великому возможность вынудить Австрію къ окончанію семилѣтней войны, упрочить положеніе Пруссіи, какъ великой державы, и съ своей стороны обратиться противъ Польши, т. е. лишить Россію возможности рѣшить Польскій вопросъ безъ его участія.

Фридрихъ отлично зналъ поляковъ и предвидѣлъ отказъ съ ихъ стороны въ дѣлѣ возвращенія диссидентамъ отнятыхъ у нихъ правъ. Ему было выгодно, чтобы Россія была вынуждена вести войну съ поляками, такъ какъ это могло ему доставить польскую Пруссію. Поэтому онъ пошелъ на встрѣчу Россіи и заключилъ съ нею союзъ, въ которомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ возстановленіе правъ диссидентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержаніе въ Польшѣ прежней формы правленія.

Фридрихъ II стремился къ раздѣлу Польши; Панинъ же былъ противъ этого раздѣла. Императрица сначала предоставляла Панину полную самостоятельность въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной ему цѣли и лишь съ теченіемъ времени вводила необходимыя поправки по мѣрѣ того, какъ обстоятельства выясняли несостоятельность „политической системы“ Панина.

V. 1-я Польская (конфедератская) война 1768—1772 г.г. Участіе въ ней Суворова.

Намѣченная программа приводилась въ исполненіе съ замѣчательною энергіею.

Въ 1764 г. было введено въ Польшу 25—26.000 русскихъ войскъ, а для поддержки ихъ держалось наготовѣ еще до 18.000 чел. Правительственныя польскія и литовскія войска не превышали 10—11.000 чел. и были разбросаны по всей Польшѣ, а между магнатами и войсковыми начальниками происходили раздоры. Противники Чарторыйскихъ могли располагать лишь частью этой „арміи", а съ войсками магнатовъ своей партіи 12—15.000 чел. Въ томъ или другомъ важномъ пунктѣ они могли сосредоточить 4.000—6.000 чел. Боевая подготовка этихъ войскъ не могла быть даже и сравниваема съ боевою подготовкою русской арміи.

При такихъ условіяхъ, наши войска быстро разбили и разогнали противниковъ Чарторыйскихъ и, благодаря ихъ воздѣйствію, былъ посаженъ на польскій престолъ Понятовскій подъ именемъ *Станислава-Августа* (1764—1795).

Въ то же время, однако, Чарторыйскіе, подъ покровительствомъ русскихъ штыковъ, провели важныя реформы: поколебленъ былъ принципъ единогласія; установлена дѣйствительная правительственная власть въ видѣ Финансовой и военной коммисіи и т. д.

Новый король желалъ дополнить и осуществить реформу, начатую Чарторыйскими. Россіи онъ подчинялся, такъ какъ былъ убѣжденъ, что только при ея помощи

можно спасти Польшу отъ гибели. Но онъ не обладалъ необходимыми въ его положенiи силою воли, инициативою и устойчивостью.

Между тѣмъ Россiя, поддерживаемая протестантскими державами, начала требовать возвращенiя правъ диссидентамъ; поляки же считали исполненiе этого требованiя гибельнымъ для своего отечества и отвѣтили отказомъ. При этомъ выяснилось, что не только Чарторыйскiе, но и король вовсе не были склонны къ дѣйствiямъ согласнымъ съ видами Россiи. Тогда было рѣшено образовать новую „русскую" партiю изъ противниковъ Чарторыйскихъ и подготовить цѣлую систему конфедерацiй, а при ихъ помощи и новый сеймъ, который долженъ былъ исполнить требованiя Петербургскаго кабинета.

Съ этою цѣлью были вновь введены въ Польшу недавно выведенныя изъ нея русскiя войска, которыя, раздѣлившись на отряды, заняли территорiю Рѣчи Посполитой и, въ началѣ 1767 года, въ своихъ раiонахъ дали возможность образоваться конфедерацiямъ, какъ православно-протестантскимъ, такъ и католическимъ. Конфедераты-католики (противники короля и Чарторыйскихъ) надѣялись, что Россiя поможетъ имъ низложить короля и свести счеты съ Чарторыйскими, а Репнинъ надѣялся, что ему удастся направить всю эту шляхетскую массу согласно съ велѣнiями изъ Петербурга. Ошиблись обѣ стороны.

Всѣ эти конфедерацiи соединились въ одну и въ Варшавѣ предъ королемъ предсталъ „сконфедерованный шляхетскiй народъ", добивавшiйся „возстановленiя своихъ нарушенныхъ правъ" и т. п. Король уразу-

мѣлъ свою слабость и приступилъ къ конфедераціи на „чрезвычайномъ сеймѣ“ 5-го октября. Но и этотъ сеймъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ Польшѣ религіознаго фанатизма, не соглашался возвратить права диссидентамъ. Тогда князь Репнинъ, при помощи русскаго отряда, арестовалъ 4-хъ наиболѣе ярыхъ враговъ диссидентовъ, епископовъ *Солтыка* и *Залускаго*, воеводу Вацлава *Ржевускаго* и сына его, сеймоваго посла Северина *Ржевускаго* и отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Калугу. Оппозиція присмирѣла. Польское представительство было вынуждено признать права диссидентовъ, которыя, по особому договору, были гарантированы Россіею, равно какъ и все устройство Рѣчи Посполитой, т. е. Польша какъ бы признала надъ собою протекторатъ Россіи.

То, чего требовала Россія, могло принести Польшѣ лишь пользу. Но поляковъ возмущалъ тотъ фактъ, что дѣйствительнымъ правителемъ Польши оказывался русскій посолъ; они не могли примириться съ потерею независимости. Вскорѣ чуть ли не вся шляхетская (католическая) Польша была охвачена негодованіемъ. Снова начали составляться конфедераціи, но уже прямо враждебныя Россіи. Всѣ онѣ стали подъ знамя образовавшейся въ Подоліи конфедераціи *Барской* и начали военныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ. Разгорѣлась партизанская война. Во главѣ конфедератовъ стало революціонное правительство, которому Австрія разрѣшила находиться въ Эперіешѣ (Пряшевѣ). Въ это же время вспыхнуло въ Украйнѣ возстаніе малорусскаго народа противъ поляковъ, которое еще болѣе усложнило положеніе дѣлъ. Между тѣмъ враги Россіи

усилили свои интриги въ Константинополѣ и побуждали Турцію къ войнѣ съ Россіею. Турція заключила союзъ съ конфедератами и объявила Россіи войну въ 1769 году. Новые союзники хотѣли совершенно освободить Польшу отъ вліянія Россіи, ослабивъ послѣднюю, за что Турція должна была получить приличное вознагражденіе.

Такимъ образомъ съ первою Польскою совпала *1-я Турецкая война* Императрицы Екатерины II. При этомъ главная масса нашихъ силъ дѣйствовала на главномъ театрѣ противъ турокъ, а въ Польшу приходилось направлять возможно меньше войскъ.

При первоначальномъ развертываніи противъ турокъ назначали въ I и II арміи и особый резервъ, всего до 137,000, а въ Польшу особый „польско-литовскій корпусъ“, до 17,500 чел. Командиру этого корпуса генералъ-поручику *Веймарну* было предписано находиться въ распоряженіи посла князя Репнина. Репнинъ рѣшилъ, что дѣйствія корпуса Веймарна, должны сообразоваться съ операціями I арміи противъ турокъ. Ближайшею цѣлью было поставлено: не допустить конфедератовъ къ нападенію на *флангъ* и *тылъ* I арміи; сверхъ того нужно было стараться подавить возможно скорѣе конфедерацію. Затѣмъ Репнинъ съ Веймарномъ рѣшили: а) собрать главную массу войскъ въ Польшѣ, оставляя возможно меньше въ Литвѣ, а связь между ними поддерживать черезъ Вильну и Гродну; б) главныя силы имѣть въ Варшавѣ, а остальными занять важнѣйшіе пункты такъ, чтобы можно было быстро сосредоточить всѣ силы или къ юго-востоку, для поддержки I арміи, или къ Варшавѣ (въ случаѣ, если бы

конфедераты старались захватить столицу и короля, котораго они намѣревались низложить).

Дальнѣйшія распоряженія Веймарна, въ развитіе указаннаго плана, сводились: а) къ раздѣленію Польши на участки, съ назначеніемъ на каждый изъ нихъ войскъ сообразно съ его значеніемъ; б) къ сохраненію на каждомъ участкѣ возможно сильнѣйшаго *участковаго резерва*, который долженъ былъ дѣйствовать противъ польскихъ партизановъ ихъ же способомъ, подвижными колоннами и нечаянными нападеніями и в) къ сохраненію въ рукахъ командира корпуса *общаго резерва*, спеціально организованнаго для соотвѣтствующихъ дѣйствій на всемъ пространствѣ Польши.

Раздѣленіе театра военныхъ дѣйствій на участки установилось окончательно въ 1770 году. Особенно важное значеніе имѣлъ *Люблинскій* участокъ, являвшійся какъ бы центромъ, изъ котораго слѣдовало быть готовымъ: а) къ постоянному наблюденію за формировавшимися въ Австріи польскими партизанскими отрядами, которые могли броситься къ Варшавѣ, или въ тылъ I арміи и б) къ воспрепятствованію и литовскимъ партизанамъ дѣйствовать въ соотвѣтствующихъ направленіяхъ.

Исполненіе плана Репнина и распоряженій Веймарна обезпечивало флангъ и тылъ I арміи до тѣхъ поръ, пока она не продвинулась впередъ въ Молдавію, а тогда главнокомандующій I арміею графъ Румянцевъ занялъ линію р. Днѣстра отрядомъ генерала *Глѣбова* и Подолію, Волынь и Червонную Русь „тыловымъ польскимъ корпусомъ“ генерала *Эссена* (позже генерала *Кречетникова*) всего до 13,000 чел. Эссенъ Веймарну

не подчинялся, не поддерживалъ съ нимъ связь и дѣйствовалъ въ духѣ тѣхъ же основныхъ идей, которыя были отмѣчены въ планѣ Репнина и въ распоряженіяхъ Веймарна.

Въ 1769 году бригадиръ *Суворовъ* командовалъ пѣхотою въ отрядѣ генералъ-поручика *Нумменса* (6—7,000 чел.), назначенномъ для обороны Литвы. Къ концу іюня отрядъ этотъ сосредоточился у Орши. 8-го іюля Суворовъ съ авангардомъ (1,500 чел.) пошелъ къ Минску и занялъ его 29-го. Затѣмъ Нуммерсъ спѣшно направляетъ его къ Варшавѣ. Суворовъ выступилъ 30-го и пошелъ не по маршруту, но черезъ Столбцы и Брестъ, чѣмъ выяснилъ важное значеніе Бреста и путей изъ Литвы на Волынь и открылъ направленіе важное въ развитіи партизанскихъ дѣйствій, упущенное изъ вида Веймарномъ. 22-го августа Суворовъ прибылъ въ Прагу, пройдя болѣе 550 верстъ въ 24—25 переходовъ (22—23 версты въ сутки по дурнымъ дорогамъ). До конца августа, исполняя приказаніе Веймарна, онъ сдѣлалъ рядъ поисковъ; 29-го августа онъ снова появился въ Брестѣ, для возстановленія связи съ Нуммерсомъ, 2-го сентября разбилъ конфедератовъ у *Орѣхова*, а 18-го сентября занялъ Люблинскій участокъ. Здѣсь, въ 1770 году, онъ располагалъ 7 ротами, егерскою командою, 9½ эскадронами и сотнями и 8 орудіями (2,200—2,500 чел.).

Суворовъ организовалъ оборону своего участка подобно тому, какъ „паукъ растягиваетъ паутину“. Избравъ своею „капиталью“ (базою) Люблинъ, Суворовъ воспользовался естественными преградами участка для прикрѣпленія къ нимъ „охранительныхъ нитей“, про-

веденныхъ изъ Люблина, а также и для обезпеченія переправъ, имѣя въ виду дѣйствовать активно посредствомъ набѣговъ. Охранительные посты были выдвинуты къ Сандомиру, Пулавамъ и Козеницамъ, къ Коцку и Красноставу, къ Фрамполю и Краснику (на 50—80 вер. впередъ), а наблюдательные посты въ направленіяхъ къ Бресту, Пинску и Сокалу (еще на 50—80 верстъ впередъ). Постоянное наблюденіе производилось лишь въ важнѣйшихъ направленіяхъ: для связи съ Нуммерсомъ и съ Эссеномъ. Въ резервѣ оставалось не болѣе 1,000 чел. Увеличить нарядъ было невозможно, но это вознаграждалось боевою готовностью отряда и укрѣпленіями постовъ. Главною задачею постовъ было производство развѣдокъ. Суворовъ далъ слѣдующее указаніе: „шпіоны дороговаты, командиры постовъ должны сами больше видѣть безъ зрительной трубки“. Отъ младшихъ начальниковъ (хотя бы даже подпоручиковъ) требовалась иниціатива. Суворовъ поощрялъ предпріимчивость и разрѣшалъ атаковать даже въ 5 разъ большія силы, но „съ разумомъ, искусствомъ и подъ отвѣтомъ“. Самъ онъ дѣйствовалъ образцово съ своимъ участковымъ резервомъ и вообще исполнилъ свою задачу блистательно.

Между тѣмъ враги Россіи старались оживить дѣло конфедераціи. Франція отправила къ полякамъ опытнаго въ партизанской войнѣ Дюмурье и дала ему средства для устройства арміи конфедератовъ. Дюмурье организовалъ ихъ отряды за Карпатами, воспользовавшись кадрами, взятыми изъ Франціи и изъ польскихъ войскъ и навербованными въ Германіи и Австріи, при чемъ разсчитывалъ и на наборъ 25,000 чел. въ ближайшихъ къ австрійской границѣ воеводствахъ, надѣясь

довести силы конфедератовъ до 60,000 чел. Онъ намѣревался, опираясь на Ланцкрону, взять Краковъ и обратить его въ укрѣпленный лагерь, а затѣмъ занять прочно Ченстоховъ, Сандомиръ и Замостье. Партизанскіе отряды *Зарембы*, *Пулавскаго и Савы* (до 15,000) должны были развлечь вниманіе русскихъ: Заремба, и Сава, привлекая ихъ къ Варшавѣ, а Пулавскій, бросившись на сообщенія съ I арміею; самъ же Дюмурье, съ главными силами (25—30,000) предполагалъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, противъ Варшавы или противъ тыла I арміи; сверхъ того гетманъ *Огинскій* съ литовскими партизанами (до 16,000) долженъ былъ направиться къ Варшавѣ, или же произвести вторженіе въ Россію.

Планъ этотъ не былъ дуренъ, но Дюмурье не зналъ поляковъ и свойствъ ихъ войскъ: неспособности дисциплинироваться, раздоровъ между начальниками, которые не хотѣли никому подчиняться и т. п., а что всего важнѣе, конфедераты встрѣтили неодолимаго противника въ немногочисленныхъ, но крѣпкихъ духомъ русскихъ войскахъ, предводимыхъ многими смѣлыми и рѣшительными, а нерѣдко искусными и талантливыми начальниками, въ ряду которыхъ первое мѣсто занималъ А. В. Суворовъ.

При такихъ условіяхъ конфедератамъ трудно было разсчитывать на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, употребивъ 1770 годъ на подготовку, они начали рѣшительныя дѣйствія въ 1771 году, къ чему ихъ ободрила неудача *Древица*, начальника резерва польско-литовскаго корпуса, въ его попыткѣ овладѣть Ченстоховомъ. Они наводнили окрестностности Кракова и начали показы-

ваться даже около Львова. Суворовъ, понимая важное значеніе Кракова, въ февралѣ произвелъ *первый набѣгъ* въ этомъ направленіи (къ Ланцкронѣ), но въ это время Заремба, Пулавскій и Сава начали угрожать его сообщеніямъ. Тогда Суворовъ быстро возвратился на свой участокъ черезъ Красникъ, опрокинулъ части отрядовъ Пулавскаго и другихъ вождей, освободилъ западный фронтъ участка, а затѣмъ разбилъ Саву и другихъ польскихъ предводителей и возстановилъ порядокъ по верхнему теченію Зап. Буга.

Конфедераты, воспользовавшись удаленіемъ Суворова, 18-го апрѣля взяли городъ Краковъ. Дюмурье приступилъ къ образованію опорныхъ пунктовъ: Ланцкроны, Освѣцима, Тынца, Вадовицъ, Боброва и Кременецкой горы; Пулавскій же началъ укрѣплять Бохню и Величку.

Веймаринъ сильно встревожился успѣхами Дюмурье, направилъ противъ него Древица и пытался издали руководить и дѣйствіями Суворова. Но Суворовъ, принимая къ руководству лишь основную идею Веймарна, отстранялъ вмѣшательство его въ сферу собственно своей дѣятельности, что повело къ недоразумѣніямъ между ними. Тѣмъ не менѣе Суворовъ снова пошелъ къ Кракову (по лѣвому берегу Вислы), на пути принялъ Древица „въ свои твердыя руки", сосредоточилъ 3,000 чел. и, убѣдившись въ трудности овладѣнія Тынцемъ, пошелъ къ *Ланцкронѣ*, гдѣ 10-го мая разбилъ ядро зарождавшихся главныхъ силъ Дюмурье (до 4,000 чел.). Дѣло было выиграно въ полчаса „благодаря хитрыхъ маневровъ французскою запутанностью и потому что польскія войска не разумѣли своего пред-

водителя". Послѣ этой побѣды Суворовъ былъ снова отвлеченъ отъ Кракова искусными дѣйствіями Пулавскаго на его сообщенія: Суворовъ полагалъ, что Пулавскій идетъ къ Варшавѣ, а потому 12-го мая двинулся на перерѣзъ къ Равѣ. Узнавъ объ этомъ, Пулавскій пошелъ къ Замостью, но его въ крѣпость не впустили. Суворовъ нагналъ его и разбилъ 22-го мая подъ Замостьемъ, послѣ чего Пулавскій попалъ въ „охранительныя сѣти" Люблинскаго участка, тщетно пытался прорваться въ Литву и долженъ былъ вернутся въ Малую Польшу.

Замѣчательна при этомъ поддержка, оказанная Суворову ближайшими частями „тыловаго корпуса" Кречетникова, а равно и связь между ними.

Послѣ разгрома Пулавскаго центръ тяжести операцій перемѣстился въ Литву. 23-го іюля Веймарнъ предупредилъ Суворова о ненадежности гетмана Огинскаго, который собралъ до 4,000 собственныхъ, магнатскихъ и правительственныхъ войскъ и къ которому начали теперь стремиться съ разныхъ сторонъ конфедератскія партіи. Въ концѣ августа онъ снялъ маску, 30-го разбилъ у Рудки колонну *Албычева* и пошелъ къ Несвижу. Тогда Веймарнъ составилъ планъ, по которому Суворовъ (съ 2,500 чел.) долженъ былъ прикрывать сосредоточенными силами Люблинъ, а Древицу (съ 3,000 чел.) предоставлялась главная роль. Но Суворовъ, узнавъ о пораженіи Албычева, тотчасъ же рѣшилъ разбить Огинскаго, для чего (не трогая своего охраненія и пр.) пошелъ къ Бялѣ, гдѣ 5-го сентября узналъ о планѣ Веймарна. Не отказываясь отъ своего намѣренія, онъ пошелъ къ Бресту и оттуда донесъ

Веймарну: „о стремленіи Огинскаго къ Варшавѣ и къ сторонѣ Люблина не слышно. Я буду стараться, не пропуская его, гетмана, въ тѣ мѣста, съ помощію Божіею упреждая всѣ его намѣренія и покушенія уничтожить". 12-го онъ былъ уже въ окрестностяхъ Несвижа, притянулъ на пути все, что было возможно найти и, узнавъ, что Огинскій находился у Столовичей, сдѣлалъ демонстрацію къ Несвижу, а самъ, ночью съ 12-го на 13-е сентября, свернулъ на *Столовичи*. Здѣсь, не имѣя и 1,000 чел., онъ на разсвѣтѣ атаковалъ Огинскаго и, послѣ упорнаго боя, около 11 часовъ дня одержалъ полную побѣду. Огинскій бѣжалъ за границу, потерявъ на полѣ сраженія до 1,000 чел., а остальныя его войска разсѣялись.

Такимъ образомъ Суворовъ однимъ ударомъ лишилъ конфедератовъ послѣдняго изъ ихъ боевыхъ устоевъ, а затѣмъ возвратился на свой участокъ. Веймарнъ былъ не доволенъ, но онъ былъ неправъ, такъ какъ Суворовъ дѣйствовалъ въ духѣ требованій обстановки.

Между тѣмъ отряды изъ „тыловаго польскаго корпуса" генерала Кречетникова соединились съ оставшеюся вѣрною королю польскою конницею Браницкаго и выгнали конфедератовъ изъ всей почти юго-западной части Польши (кромѣ укрѣпленныхъ пунктовъ). Въ этомъ же году на мѣсто Дюмурье былъ присланъ генералъ *Віоменилъ*, который хотя и нашелъ конфедератовъ крайне разстроенными, недисциплинированными, дурно вооруженными, голодными и т. п., все же старался возстановить въ ихъ войскахъ порядокъ и поднять ихъ духъ, чтобы возобновить наступленіе.

Въ ночь съ 21-го на 22-е января 1772 года, благодаря безпечности Краковскаго коменданта („обремененнаго ксендзами и бабами“), конфедераты произвели нечаянное нападеніе и овладѣли Краковскимъ замкомъ. Тотчасъ же сюда устремились съ разныхъ сторонъ русскіе отряды и польская конница Браницкаго; 24-го прибылъ самъ Суворовъ и началось обложеніе замка. Штурмъ 18-го февраля выяснилъ невозможность скораго овладѣнія замкомъ безъ надлежащихъ осадныхъ средствъ. Суворовъ продолжалъ блокаду. Гарнизонъ (43 офицера и 739 нижнихъ чиновъ), начавъ голодать, 15-го апрѣля сдался на капитуляцію. Этимъ былъ нанесенъ конфедератамъ окончательный ударъ. Вскорѣ они вовсе отказались отъ сопротивленія и смирились предъ Россіею.

Въ 1-ю польскую войну 1768—1772 г.г., прикрытіе сообщеній главной арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, и веденіе операцій противъ конфедератовъ лежали на 25.000 нашихъ войскъ, корпусовъ польско-литовскаго и тыловаго, но наибольшая часть этого бремени легла на корпусъ генералъ-поручика Веймарна (позже генералъ-поручика Бибикова), уменьшившійся до 13—14.000 чел.; въ этомъ же корпусѣ на первое мѣсто выдвинулся *генералъ-маіоръ Суворовъ*, заслонившій собою всѣхъ, даже своего начальника. Въ эту войну онъ далъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ образцовъ въ области военнаго искусства, а въ ихъ числѣ классическіе образцы: а) организаціи *обороны участка* противъ партизанскихъ набѣговъ, б) производства набѣговъ и вообще дѣйствій *участковаго резерва*, в) веденія *боя* противъ такого противника, какъ конфедераты и т. д.

Успѣхами въ 1-ю польскую войну Россія болѣе всѣхъ обязана *Суворову*, который нанесъ конфедератамъ смертельные удары, растапталъ самые надежные ихъ устои (Ланцкрона, Столовичи, Краковъ) и болѣе всѣхъ способствовалъ прекращенію ими военныхъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ способствовалъ возвращенію части захваченныхъ поляками русскихъ земель, не говоря уже объ обезпеченіи тыла арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ.

Армія эта, съ своей стороны, одержала блестящіе успѣхи (Ларга, Кагулъ и т. д.), но, тѣмъ не менѣе турки не соглашались дать Россіи соотвѣтствующее вознагражденіе, а Австрія боялась усиленія Россіи и помышляла о занятіи Молдавіи и Валахіи. Это благопріятствовало достиженію вышеуказанной цѣли, которую поставилъ себѣ Фридрихъ Великій. Теперь онъ предложилъ Императрицѣ „проявить умѣренность" по отношенію къ Турціи и получить вознагражденіе на счетъ Польши, но за то допустить и отторженіе отъ нея, въ пользу Пруссіи и Австріи, ближайшихъ къ ихъ границамъ польскихъ земель, на которыя эти державы заявляли притязанія болѣе или менѣе сомнительнаго достоинства. Императрица, убѣдившись отчасти въ неудовлетворительности „политической системы" Панина, сочла себя вынужденною согласиться съ предложеніями Фридриха. Это и привело къ соглашенію Россіи и Пруссіи съ Австріею и къ *первому раздѣлу Польши* (1772—1773 г.г.), по которому Австрія получила нынѣшнюю Галицію (1509 кв. м. и 2.100,000 населенія), Пруссія — западную Пруссію безъ Торуня и Гданска (660 кв. м. и 600,000 населенія), а Россія

Бѣлоруссію безъ нынѣшней Минской губерніи (1693 кв. м. и 1.200,000 населенія).

Эти результаты войны, конечно, не соотвѣтствовали потраченнымъ Россіею крови и средствамъ, но важенъ былъ первый шагъ въ смыслѣ приближенія Россіи къ программѣ Іоанна III.

Польское представительство утвердило, въ 1773 г., раздѣльный договоръ и выработало проектъ необходимыхъ улучшеній въ государственномъ устройствѣ Рѣчи Посполитой. По принятіи этого проекта сеймомъ онъ былъ гарантированъ Россіею. Русскія войска были вновь выведены изъ Польши, которою Россія руководила лишь въ области политики, не вмѣшиваясь во все то, что могло имѣть вліяніе на улучшеніе благосостоянія, народнаго быта и т. п. Благодаря такому отношенію Россіи, Польша начала поправляться. Періодъ мира послѣ перваго раздѣла былъ однимъ изъ лучшихъ въ исторіи Польши. Это признаютъ сами поляки. И кто же далъ Польшѣ возможность достичь этихъ (прежде немыслимыхъ) успѣховъ, какъ не Россія? А между тѣмъ ненависть поляковъ къ Россіи не ослабѣвала и даже усиливалась. Это объясняется главнымъ образомъ желаніемъ поляковъ возстановить свою независимость, а отчасти интригами враговъ Россіи. То и другое привело къ новымъ усложненіямъ и ко второй польской войнѣ.

VI. 2-я польская война Императрицы Екатерины II 1792 года.

Послѣ первой турецкой войны, окончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 1774 г. и приведшей, между прочимъ, къ освобожденію татаръ изъ подъ власти Турціи, первое мѣсто въ ряду совѣтниковъ Императрицы занялъ Г. А. *Потемкинъ*, человѣкъ талантливый, но склонный къ составленію грандіозныхъ проектовъ, основанныхъ скорѣе на порывахъ воображенія, чѣмъ на строгомъ изученіи фактовъ. Таковъ былъ извѣстный „греческій проектъ", сводившійся къ изгнанію турокъ изъ Европы, къ возстановленію греческой имперіи и т. п. Проектъ этотъ не былъ согласованъ ни съ этнографическимъ составомъ населенія Балканскаго полуострова, ни съ дѣйствительными интересами Россіи. Ставъ на этотъ путь, Россія сблизилась съ Англіею и Австріею и этому не могъ помѣшать графъ Панинъ. Между тѣмъ, благодаря проведенію въ жизнь программы Потемкина, Россія получила Крымъ и земли по Кубани, но эта же политика привела ее ко *2-й турецкой войнѣ* 1787—1791 гг., а между тѣмъ, въ 1788 г., и Швеція объявила Россіи войну.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, польскіе патріоты пріобрѣли большинство на знаменитомъ „4-лѣтнемъ сеймѣ", увлекли за собою короля и 3-го мая 1791 года произвели государственный переворотъ, при чемъ ввели новую „конституцію", по которой право срывать сеймы, единогласіе, конфедераціи и т. п. отмѣнялись, а королевская власть усиливалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ Польша уничтожила свою зависимость

отъ Россіи, рѣшила довести армію до 100,000 чел. и заключила союзъ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Мало того, польское правительство потребовало удаленія изъ юго-восточныхъ областей Польши русскихъ войскъ и магазиновъ. Императрица исполнила это требованіе и сохраняла пока миръ съ Польшею, но повелѣла Потемкину, поставившему Россію въ столь критическое положеніе, окончить войну съ Турціею возможно скорѣе.

Изъ этого труднаго положенія Россія вышла главнымъ образомъ благодаря храбрости русскаго солдата, доблести русскаго офицера и генію Суворова, котораго цѣлый рядъ подвиговъ въ эту войну, завершенный чуть ли не сказочнымъ штурмомъ Измаила, покрылъ колоссальною славою. 2-я турецкая война окончилась въ декабрѣ 1791 года Ясскимъ миромъ, по которому Россія пріобрѣла только Очаковъ и степи между Бугомъ и Днѣстромъ, но за то получила возможность свести счеты съ Польшею.

Императрица приняла подъ свое покровительство *Тарговицкую конфедерацію*, образованную поляками недовольными введеніемъ конституціи 3-го мая. *2-я польская война* началась въ маѣ 1792 года. Наши арміи, Украинская, генерала *Каховскаго* (64,000) и Литовская, генерала *Кречетникова* (32,000), всего до 100,000 чел., вступили въ Польшу, разбили польскіе корпуса князя Іосифа *Понятовскаго* и принца *Виртембергскаго* (до 40,000 чел.) и оттѣснили ихъ за линію Западнаго Буга. 13/24 іюня король приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, которая уничтожила конституцію 3-го мая и возстановила прежній порядокъ вещей.

Польша снова смирилась предъ Россіей, съ которою вступила тотчасъ же въ соглашеніе Пруссія, бросившая свою союзницу на произволъ судьбы. Это привело *ко 2-му раздѣлу Польши*, по которому Пруссія получила Гданскъ, Торунь и большую часть Великой Польши (1,016 кв. миль и 1.500,000 населенія), а Россія нынѣшнюю Кіевскую, большую часть Минской и Волынской и Подольскую губерніи (4,000 кв. м. и 3.000,000 населенія).

Второй раздѣлъ былъ утвержденъ въ „нѣмомъ засѣданіи“ Гродненскаго сейма 1793 года, который постановилъ также уменьшить численность польской арміи съ 54,000—55,000 до 15,449 чел. Для поддержанія этого порядка вещей было оставлено въ Польшѣ и Литвѣ 17—18,000 русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала *Игельстрома*, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ Россіи въ Варшавѣ, т. е. фактическимъ распорядителемъ дѣлъ въ остававшейся еще Польшѣ.

Является вопросъ, почему главнокомандующимъ въ эту войну не былъ назначенъ Суворовъ? Конечно, наиболѣе замѣтною причиною этого была его ссора съ Потемкинымъ, который передъ смертью успѣлъ ему повредить; но затѣмъ у него было еще много другихъ враговъ, которые, общими силами, убѣдили кого слѣдовало, въ томъ, что „польскія дѣла графа Суворова не требуютъ“. Мало того самъ Суворовъ находился въ это время въ положеніи полуопальнаго, исполняя неважныя порученія въ родѣ „церемоніи съ 12 баталіонами“ въ Финляндіи, а затѣмъ въ Херсонѣ.

VII. 3-я польская война Императрицы Екатерины II 1794 года. Участіе въ ней Суворова.

Событія выяснили вскорѣ необходимость окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса. Поляки готовились къ возобновленію борьбы, съ цѣлью возвращенія всего потеряннаго при 1-мъ и 2-мъ раздѣлахъ. Сигналъ къ возстанію 1794 года былъ данъ войсками, изъ коихъ нужно было распустить по домамъ не менѣе 20,000 чел., не считая другихъ 18—20,000 чел., которые остались въ Россіи и должны были быть включены въ составъ русскихъ войскъ или обезоружены. Войска, подлежавшія этой „редукціи“, не захотѣли подчиниться постановленію сейма и возстали, начиная съ бригады генерала *Мадалинскаго* (2—3,000 чел.).

Мадалинскій изъ Остроленки перешелъ на лѣвый берегъ Вислы и пошелъ къ Кракову; его преслѣдовалъ русскій отрядъ генерала Денисова (7,000 чел.), выславшій впередъ авангардъ генерала *Тормасова* (до 2,000 чел.).

Между тѣмъ въ Краковѣ также вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ талантливый генералъ *Костюшко*, облеченный диктаторскою властью и старавшійся привлечь къ возстанію народныя массы. Онъ поддержалъ Мадалинскаго и 24 марта (4 апрѣля) разбилъ Тормасова при *Рацлавицахъ*. Этотъ успѣхъ имѣлъ огромное значеніе, поднявъ духъ поляковъ. Возстаніе начало быстро распространяться. 6/17 апрѣля въ Варшавѣ польскія войска и мѣщане произвели рѣзню, напавъ внезапно на русскихъ, которые, потерявъ 4,000 чел., отступили къ Карчеву и Закрочиму. Позже Игельстромъ собралъ до 7,000 чел. въ Ловичѣ. Въ ночь съ 11/22

на 12/23 апрѣля возстаніе вспыхнуло въ Вильнѣ. Русскіе отряды въ Вильнѣ и Гроднѣ отступили къ границѣ. Возстаніе грозило перейти и за предѣлы Россіи.

Въ Петербургѣ узнали о Варшавской рѣзнѣ 20-го апрѣля. Высшій совѣтъ, направляемый графомъ Н. И. Салтыковымъ, рѣшилъ: а) главною цѣлью поставить обезпеченіе западной границы, близъ которой и сосредоточить войска; б) главное начальство на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ поляковъ поручить князю *Репнину*, которому находиться въ Ригѣ; в) главное начальство на югѣ поручить графу *Румянцеву*, которому оборонять юго-западный край противъ поляковъ и быть готовымъ на случай новой войны съ Турціею.

Для дѣйствій противъ поляковъ назначались: а) 23—25,000 князя *Репнина*, сосредоточивавшихся на линіи Рига-Дрисса-Пинскъ; б) 19,000 генерала *Дерфельдена*, направлявшихся изъ юго-западнаго края къ Владиміръ-Волынску; в) 12—13,000 *Игельстрома*, смѣненнаго позже генераломъ *Ферзеномъ*, на лѣвомъ берегу Вислы; г) 10,000 союзныхъ прусскихъ войскъ генерала *Фаврата*, находившихся близъ Петрокова; всего 64—67,000 чел. Позже прибыло еще 25,000 пруссаковъ.

Поляки, въ началѣ кампаніи, выставили: а) на верхней Вислѣ 24,000 *Костюшки*; б) между Вислою и Бугомъ 16,000 (по нѣкоторымъ источникамъ 20,000) генерала *Заіончека*; в) въ Варшавѣ 9,000 –10,000 генерала *Мокроновскаго*; г) въ Вильнѣ 9,000; д) въ Гроднѣ 6 -7000; ж) въ Жмудской землѣ и у Ковны до 7,000; всего нѣсколько болѣе 70,000 чел. Затѣмъ, въ теченіе войны, организація вооруженныхъ силъ продолжалась; всего было выставлено до 95,000 регулярныхъ (вѣр-

нѣе правильно организованныхъ) войскъ и до 57,000 городскихъ милицій и крестьянскаго ополченія.

Костюшко началъ тѣснить Денисова, который отошелъ къ *Щекоцинамъ* и соединился тамъ съ пруссаками. Къ этому корпусу, усилившемуся до 23,500 чел., прибылъ прусскій король. 26-го мая союзники разбили здѣсь Костюшку, располагавшаго 15,000—26.000 чел., а 28-го мая Дерфельденъ разбилъ Заіончека близъ Холма и пошелъ черезъ Люблинъ къ Вислѣ. Тогда Костюшко совершилъ смѣлый фланговый маршъ черезъ Кѣльце, Радомъ и Варки и прибылъ къ Варшавѣ, гдѣ въ то время возмутилась чернь. Онъ возстановилъ въ столицѣ порядокъ, принялъ мѣры къ ея укрѣпленію, поручилъ оборону ея гарнизону и вооруженнымъ жителямъ (до 16,000), а остальныя войска (около 20,000) предназначилъ для активныхъ дѣйствій.

13 іюля прусскій король съ 35,000 и Ферзенъ съ 12.000 обложили Варшаву съ лѣваго берега Вислы, но это обложеніе не привело къ желаемому результату, а между тѣмъ вспыхнуло возстаніе въ прусской Польшѣ. Это, въ связи съ дѣйствіями польскихъ партизановъ противъ тыла пруссаковъ, вынудило короля Фридриха-Вильгельма II снять, въ концѣ августа, осаду и отойти къ своимъ границамъ.

Въ это время Россія, Пруссія и Австрія рѣшили уже произвести окончательный раздѣлъ Польши. Австрійцы, не открывая военныхъ дѣйствій, заняли южныя воеводства.

Ферзенъ, спустя нѣкорое время, считая австрійцевъ союзниками и полагая, что кампанія этого года окон-

чена, пошелъ по лѣвому берегу Вислы, чтобы переправиться въ верхнемъ ея теченіи, а затѣмъ уже слѣдовать на присоединеніе къ Репнину.

Репнинъ, которому было разрѣшено находиться въ Несвижѣ, въ началѣ августа также пошелъ впередъ. Тогда литовскіе партизаны захватили Полангенъ, Либаву, Динабургъ и чуть ли не угрожали Пскову. Репнину пришлось обратить свое вниманіе назадъ. При такихъ условіяхъ, и Репнинъ считалъ, что кампанія окончена, а потому, притянувъ Дерфельдена, началъ помышлять о зимнихъ квартирахъ.

Въ общемъ, въ первый періодъ кампаніи, должно отмѣтить безсвязность дѣйствій и отсутствіе энергіи съ нашей стороны, какъ слѣдствіе предвзятаго отношенія къ дѣлу, приводившаго къ стремленію отвести наши войска изъ Польши къ границѣ, сосредоточиться и уже послѣ того начать операціи, что способствовало распространенію возстанія и быстрому росту силъ поляковъ. „Война ничего не значущая" становилась „прехитрою и предерзкою", это понималъ уже и главный руководитель операцій, графъ Салтыковъ. Чувствовалась необходимость послать въ Польшу того, кто съумѣетъ быстро покончить съ поляками.

Между тѣмъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ внимательно слѣдили: Румянцевъ и состоявшій подъ его начальствомъ *Суворовъ*, который имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ и занимался обезоруженіемъ польскихъ войскъ, оставшихся въ юго-западномъ краѣ. Онъ окончилъ это обезоруженіе 1-го августа, а 7-го августа Румянцевъ предписалъ ему: „сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю и такъ скоро какъ возможно...

Ваше имя одно въ предварительное обѣщаніе о вашемъ походѣ подѣйствуетъ въ духѣ непріятеля и тамошнихъ обывателей, нежели многія тысячи".

Это распоряженіе Румянцева совпало съ предположеніями центральной власти, которая только съузила задачу Суворова, ограничивъ ее занятіемъ Бреста и устройствомъ (тамъ-же) магазиновъ. Однако Суворовъ не находилъ возможнымъ заниматься „магазейнъ-вахтерствомъ" и считалъ необходимымъ „прибавить (себѣ) войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву", т. е. внести въ операціи то, чего имъ не доставало: энергію, смѣлость, рѣшительность, наступленіе, стремленіе искать врага, бить его и неотступно преслѣдовать до полнаго уничтоженія, имѣя главнымъ предметомъ дѣйствій сердце возстанія, Варшаву.

Репнинъ былъ старше Суворова. Подчинившись ему и стоявшему за нимъ петербургскому „Совѣту", пришлось бы стать на зимнія квартиры и готовиться къ кампаніи слѣдующаго года, т. е. дать непріятелю возможность усилиться, а насъ затруднить.

Въ виду этого Суворовъ признаетъ себя зависимымъ только отъ Румянцева.

Имѣя въ виду возможно скорѣе покончить съ возстаніемъ (на что, по его разсчету, требовалось 40 дней), онъ выступаетъ изъ Немирова 14-го августа съ 4,500 чел. и 10 орудіями (оставивъ въ Немировѣ, для обезпеченія тыла, около 6,000 чел.), на пути усиливаетъ свой отрядъ до 10—11,000 чел. съ 16 орудіями и совершаетъ свой знаменитый походъ черезъ Варковичи и Ковель къ Бресту, куда и прибываетъ 8-го сентября, сдѣлавъ 600 верстъ въ 26 дней (т. е. двигаясь со ско-

ростью 23 верстъ въ сутки по дурнымъ дорогамъ) и давъ при этомъ цѣлый рядъ образцовыхъ рѣшеній различныхъ вопросовъ, относящихся къ области военнаго искусства. Скорость движенія измѣнялась въ зависимости отъ обстановки: 270 верстъ до Варковичей пройдено въ 9-ть дней (30 верстъ въ сутки, въ 3—4 раза больше нормъ XVIII столѣтія и почти въ 2 раза больше увеличенныхъ Фридриховскихъ нормъ); 125 верстъ отъ Варковичей до Ковеля пройдено въ пять дней (25 верстъ въ сутки, но здѣсь дороги были особенно плохи) и т. д.

Дневки дѣлались сравнительно рѣдко, по мѣрѣ крайней въ нихъ необходимости; такъ въ Варковичахъ 23-го производились починка обоза и печеніе хлѣба и т. д. Начиная отъ Ковеля, увеличивалась вѣроятность встрѣчи съ непріятелемъ; Суворовъ принимаетъ возможныя мѣры къ затрудненію противнику сбора свѣдѣній о маршѣ его отряда. Благодаря прекрасной организаціи маршъ-маневра и прочимъ извѣстнымъ даннымъ, онъ наноситъ рядъ пораженій направленнымъ для его задержанія войскамъ генерала *Сѣраковскаго* (6—7,000 чел. при 30—36 орудіяхъ, не считая ополченія): 3-го сентября у *Дивина* казаки Суворова почти цѣликомъ уничтожаютъ около 300 всадниковъ Кобринской конницы Руцица; 4-го Суворовъ бьетъ у *Кобрина* захваченный тамъ въ расплохъ передовой отрядъ Сѣраковскаго и овладѣваетъ его провіантскимъ магазиномъ (очень кстати); 6-го онъ бьетъ подъ Крупчицами самаго Сѣраковскаго, занимавшаго укрѣпленную позицію близъ тамошняго монастыря; наконецъ 8-го, съ 9,000 чел., онъ бьетъ подъ *Брестомъ* того же Сѣраковскаго, усилившагося подкрѣпленіями до 12,000 чел. (въ томъ

числѣ до $^2/_3$ косиньеровъ и т. п.) и занимавшаго сильную позицію за болотами, при чемъ беретъ 28 орудій и 500 плѣнныхъ. Послѣ боя подъ Брестомъ въ „корпусѣ“ Сѣраковскаго оставалось менѣе 2,300 чел. регулярныхъ войскъ.

Эти побѣды Суворова, особенно послѣдняя, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на поляковъ; духъ войскъ ихъ упалъ. Наоборотъ, вся Россія воспрянула духомъ.

Теперь наши войска занимали намѣченную границу по линіи р. З. Буга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ сталъ на флангѣ литовско-польскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Репнина, угрожалъ связи ихъ съ войсками Костюшки и облегчалъ отступленіе Ферзену.

Такъ быстро измѣнялась обстановка въ нашу пользу благодаря Суворову. И свои, и враги почувствовали, что на театрѣ военныхъ дѣйствій появился виртуозъ войны и что они призваны лишь играть тѣ или другія второстепенныя роли въ томъ, что онъ разыграетъ.

Между тѣмъ Костюшко принималъ еще возможныя мѣры къ реорганизаціи польской арміи и къ подъему въ ней духа. Литовскія войска были ввѣрены Мокроновскому и составили двѣ дивизіи: Ясинскаго и Вавржецкаго; послѣдній командовалъ этою дивизіею „совмѣстно съ Гедройцемъ“ (!). „Корпусъ“ (называемый также и дивизіею) Сѣраковскаго былъ реорганизованъ и усиленъ подкрѣпленіями. Вообще поляки готовились къ упорному продолженію борьбы.

Суворовъ оставался въ Брестѣ цѣлый мѣсяцъ, собиралъ провіантъ, устраивалъ магазины и вообще свою промежуточную базу, а равно и свою коммуникаціон-

ную линію и подготовлялъ успѣхъ предстоявшей операціи во всѣхъ отношеніяхъ.

Намѣченной имъ операціонной линіи Брестъ-Варшава угрожали: справа Вавржецкій съ Гедройцемъ, а слѣва Сѣраковскій и самъ Костюшко.

Нужно было ее обезпечить. Суворовъ приказываетъ *Дерфельдену* (подчиненному Репнина) обезпечить его правый флангъ движеніемъ на Бѣлостокъ. *Репнина* проситъ выдѣлить часть войскъ для обезпеченія его тыла, а самъ старается войти въ связь съ Ферзеномъ.

Успѣхъ его начинаній затруднялся *двоевластіемъ*. Требованія и просьбы его отклонялись, или исполнялись съ задержками, или только отчасти. Пришлось потерять много времени на устраненіе этихъ затрудненій. Но въ это время въ Петербургѣ настроеніе высшихъ сферъ начало уже измѣняться въ пользу Суворова, благодаря которому явилась возможность разсчитывать на скорое окончаніе войны. Ему не симпатизировали, но ради пользы дѣла соглашались отдать на необходимое время власть въ его руки. Репнину было рекомендовано отдать Суворову то, чего онъ требуетъ.

Въ это время Костюшко, опасаясь, чтобы Ферзенъ не соединился съ Суворовымъ, рѣшилъ этому воспрепятствовать и пошелъ вверхъ по правому берегу Вислы, чтобы отрѣзать Ферзена, двигавшагося по лѣвому ея берегу; но Ферзенъ успѣлъ переправиться и 29-го сентября, съ 12—13,000 чел., атаковалъ Костюшку, имѣвшаго около 8,500 чел. и занявшаго позицію при *Мацѣевицахъ*. Поляки были разбиты на голову. Спаслось менѣе 1,000 чел. Въ числѣ плѣнныхъ находился самъ раненный Костюшко. Для Польши это былъ страшный ударъ!

Теперь лѣвый флангъ Суворова былъ вполнѣ обезпеченъ, да и на правомъ флангѣ Дерфельденъ, получивъ на то приказаніе Репнина, шелъ къ Бѣлостоку. 4-го октября Суворовъ узналъ о Мацѣевицкомъ погромѣ. Онъ тотчасъ же приказалъ идти на присоединеніе къ себѣ, какъ Ферзену, такъ и Дерфельдену. Ферзенъ исполнилъ это приказаніе безъ колебаній, но Дерфельденъ могъ его не исполнить, такъ какъ получилъ отъ Репнина приказаніе расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но онъ былъ оріентированъ относительно настроенія петербургскихъ властей находившимся въ его корпусѣ графомъ В. А. Зубовымъ, который совѣтовалъ идти къ Суворову. Дерфельденъ такъ и поступилъ.

Такимъ образомъ всѣ три корпуса, Ферзена, Суворова и Дерфельдена, всего около 30,000 чел. двинулись концентрически къ Варшавѣ. Между тѣмъ польскій „верховный народовый совѣтъ“ избралъ замѣстителемъ Костюшки генерала *Вавржецкаго*, человѣка военнаго чуть ли не только по названію. Хотя поляки и составляли еще наступательные планы, но помѣшать движенію русскихъ къ Варшавѣ не могли.

Суворовъ оставилъ въ Брестѣ отрядъ Дивова, выступилъ 7-го октября и пошелъ на Яновъ, угрожая пути отступленія „литовской арміи“ (16,000) Мокроновскаго, двигавшейся къ Прагѣ и преслѣдуемой Дерфельденомъ. 14-го Суворовъ соединился въ Станиславовѣ съ Ферзеномъ, а 15-го почти цѣликомъ уничтожилъ въ бою при *Кобылкѣ* одну изъ колоннъ „литовской арміи“, которою командовалъ генералъ *Бышевскій*. Здѣсь, 19-го, къ Суворову присоединился Дерфельденъ, но нужно

было еще довершить подготовку труднѣйшей операціи, штурма укрѣпленной Праги, послѣдняго оплота поляковъ, а потому Суворовъ оставался здѣсь еще до 22-го октября.

Поляки, въ это время, располагали еще 40,000 чел., изъ которыхъ часть дѣйствовала противъ пруссаковъ, другая была разбросана въ видѣ второстепенныхъ и мелкихъ отрядовъ, а для обороны Праги было назначено 18,600 чел., не считая 6,000 мѣщанъ, не получившихъ надлежащей военной организаціи; въ виду неспособности Ваврженкаго начальство было ввѣрено генералу *Заіончеку.*

Суворовъ сосредоточилъ къ *Прагѣ* до 30,000 чел. съ 86 орудіями и 24 октября взялъ ее штурмомъ послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, въ которомъ русскіе потеряли около 2,500 чел., а поляки до 23,000 чел. и 104 орудія. Этотъ штурмъ устрашилъ поляковъ. Варшава сдалась Суворову. Польша окончательно смирилось предъ Россіею. Суворовъ положилъ конецъ ея сопротивленію.

До появленія Суворова на театрѣ военныхъ дѣйствій операціи велись слишкомъ осторожно въ то время, какъ обстановка требовала проявленія крайней рѣшительности. Операціи направлялись изъ Петербурга, а главнокомандующій былъ лишенъ полной мочи. Отсюда слѣдствія: безрезультатность дѣйствій нашихъ войскъ (не говоря уже о пруссакахъ), а противнику дается время и возможность усиливаться въ численномъ отношеніи, улучшать боевую подготовку своихъ войскъ и вообще лучше подготовиться къ борьбѣ, которая угрожаетъ затянуться до слѣдующаго года.

Румянцевъ посылаетъ на театръ военныхъ дѣйствій Суворова, правда, всего лишь съ 10—11,000 чел. Суворовъ не желаетъ допустить вновь потерю времени, не находитъ возможнымъ подчиниться Репнину и признаетъ себя зависимымъ только отъ Румянцева. Хотя это и приводитъ къ двоевластію, но Суворовъ исправляетъ этотъ недостатокъ организаціи и захватываетъ въ свои руки руководство операціями. Въ Петербургѣ его, наконецъ, оцѣниваютъ и позволяютъ ему это сдѣлать.

Суворовъ снова даетъ цѣлый рядъ первостепенныхъ образцовъ въ области военнаго искусства: образцовое изученіе и пониманіе обстановки, замѣчательную основную идею операціи (по цѣли и по направленію); образцовую подготовку, какъ до начала марша — маневра, такъ и во время операціи; удивительную энергію въ исполненіи намѣченнаго плана, необыкновенную (но для Суворова обычную) быстроту маршей, постоянную внезапность нападенія и настойчивую атаку врага при каждой встрѣчѣ. Рядомъ съ этимъ должно отмѣтить своевременныя заботы объ обезпеченіи операціонной линіи, объ устройствѣ базы, объ устройствѣ и обезпеченіи сообщеній и о снабженіи войскъ строго необходимыми предметами довольствія. Нельзя не признать у Суворова въ эту кампанію замѣчательное сочетаніе рѣшительности съ осторожностью.

Суворовъ переливаетъ свою энергію и въ войска, съ частными начальниками во главѣ. Успѣхъ за успѣхомъ еще болѣе поднимаетъ ихъ духовныя силы. Невозможнаго для нихъ нѣтъ ничего, а врагъ падаетъ духомъ, расшатывается нравственно и постепенно подготовляется къ окончательному пораженію. Прежде, до

прибытія Суворова, противникъ все усиливался, расширялъ сферу своихъ дѣйствій, а его партизаны доходили до З. Двины; теперь размѣры театра военныхъ дѣйствій все уменьшаются; противъ Суворова безсильны и партизаны; онъ еще въ первую польскую войну показалъ, какъ слѣдуетъ вести войну противъ партизановъ на этомъ же театрѣ; теперь онъ дѣлаетъ тоже, конечно, не по формѣ, но по духу; послѣдовательно противодѣйствуя предпріятіямъ противника, онъ лишаетъ его партизановъ опорныхъ пунктовъ, наноситъ рѣшительные удары важнѣйшимъ его отрядамъ, кои служили ядромъ возстанія въ соотвѣтствующихъ округахъ, и оканчиваетъ кампанію въ опредѣленный имъ же срокъ (вычитая, конечно, время пребыванія въ Брестѣ).

Отлично зная превосходство русскихъ войскъ надъ противникомъ и слабыя стороны этого противника, Суворовъ, тѣмъ не менѣе, имъ не пренебрегаетъ и постоянно старается сосредоточивать возможно большія силы, въ видахъ подготовки успѣха въ бою, который онъ считаетъ единственно рѣшительнымъ средствомъ для завершенія операціи.

Цѣлый рядъ образцовъ тактическаго искусства, побѣдоносныхъ боевъ завершается штурмомъ Праги, окончательнымъ разгромомъ противника, о которомъ самъ Суворовъ говорилъ: „дѣло сіе подобно измаильскому“. Этотъ походъ представляетъ какъ бы цѣлый курсъ военнаго искусства, изложенный на практикѣ великимъ мастеромъ нашего дѣла, въ которомъ органически и гармонически слились теорія съ практикою, наука съ жизнью. Это неисчерпаемый запасъ классическихъ рѣшеній самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, от-

носящихся къ военному искусству. Изучая его, нельзя не поражаться тѣмъ, какъ этотъ человѣкъ всегда и всюду проникалъ въ самую сущность нашего дѣла.

Замѣчательно, что тѣ самые пріемы, которые до недавняго времени считались впервые примѣненными французами въ эпоху революціи, примѣнялись раньше того у Суворова. Замѣчательно также, что войска, находившіяся подъ его начальствомъ, все болѣе и болѣе закалялись въ бояхъ, а боевая ихъ подготовка повышалась. Правда, это объясняется въ значительной степени прекрасными качествами нашихъ войскъ, но вѣдь у Суворова впослѣдствіи и австрійскія войска преображались и дѣйствовали не такъ, какъ подъ начальствомъ другихъ полководцевъ. Очевидно, что это являлось слѣдствіемъ особыхъ данныхъ, присущихъ генію, Суворову. Положимъ, нѣкоторые ученые не признаютъ существованія какого бы то ни было генія, но масса людей чувствуетъ, что геній существуетъ и идетъ за нимъ, когда онъ появляется куда ему угодно.

Такъ она и шла за Суворовымъ и признала его геніемъ; намъ же остается возможно больше его изучать, дабы возможно лучше уразумѣть, въ чемъ и почему онъ является геніемъ.

Къ числу такихъ избранныхъ смертныхъ принадлежалъ нашъ *А. В. Суворовъ*. Какъ человѣкъ, онъ имѣлъ недостатки, но они существеннаго значенія не имѣли, особенно сравнительно съ его достоинствами, которыя на столько велики, что трудно поддаются опредѣленію.

Прежде всего это былъ настоящій православный русскій человѣкъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти своего народа, любившій его и имъ любимый. Будучи такимъ, онъ не могъ не быть вѣрноподданнымъ и вѣрнымъ слугою Государя и Россіи. То, что онъ иногда будировалъ, нисколько не уменьшаетъ справедливости этого заключенія. Поэтому онъ никогда не забывалъ ихъ блага, никогда не ставилъ выше этого блага своего собственнаго „*я*", какъ это дѣлали нѣкоторые весьма извѣстные его современники.

Естественно, такой человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ сыновъ тогдашней Россіи, настоящій воинъ и полководецъ, не могъ не сыграть выдающейся роли въ борьбѣ Россіи съ Польшею.

Подобно тому, какъ въ 1-ую польскую войну онъ главнымъ образомъ и расшаталъ зданіе конфедераціи, нанеся ей рѣшительные удары и не давая ей возможности собраться съ силами, и такимъ образомъ способствовалъ первому возвращенію отъ Польши части русскихъ земель, такъ и въ 3-ю польскую войну онъ нанесъ полякамъ хотя и не всѣ, но большую часть ударовъ, а что всего важнѣе, нанесъ имъ окончательный ударъ и способствовалъ послѣднему возвращенію отъ Польши западно-русскихъ земель.

Результатомъ 3-й польской войны, доведенной до конца Суворовымъ, явился *3-й раздѣлъ Польши* 1795 года, по которому Россія получила не взятыя ею еще остальныя части Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края кромѣ Бѣлостокскаго округа (2731 кв. м. и 1.900,000 населенія, Пруссія—Бѣлостокскій округъ и вообще земли къ З. и С.-З. отъ рр. Нѣмана, З. Буга

и Пилицы (680 кв. м. и 1.100,000 населенія), а Австрія—остальныя земли упраздненной Польши къ югу отъ Пилицы и Западнаго Буга (1011 кв. м. и 1.300,000 населенія). Въ тоже время и вассалъ Польши герцогъ Курляндскій отказался отъ своего герцогства въ пользу Россіи. Рѣчь Посполитая исчезла съ политической карты Европы.

Сила обстоятельствъ исправила погрѣшности государственныхъ людей, направлявшихъ политику Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и выяснила несостоятельность политической системы, основанной на сохраненіи самой Рѣчи Посполитой съ ея безобразнымъ государственнымъ устройствомъ и на упроченіи въ ней вліянія Россіи. Поляки раньше насъ пришли въ общеніе съ Западною Европою и въ значительной степени усвоили себѣ ея цивилизацію; къ тому же Польша соприкасалась непосредственно съ такими государствами, какъ Австрія, Пруссія и Турція. Поэтому удержать ее постоянно подъ нашимъ вліяніемъ мы не могли. А между тѣмъ наше вмѣшательство въ польскія дѣла, частое пребываніе нашихъ войскъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, стремленіе нашей дипломатіи облагодѣтельствовать поляковъ вопреки ихъ пониманію и желанію, шедшее, повидимому, въ разрѣзъ съ провозглашаемымъ нами дружелюбнымъ къ Польшѣ отношеніемъ. примѣненіе такихъ пріемовъ, какіе практиковались напримѣръ, княземъ Репнинымъ (арестъ сенаторовъ и сеймоваго посла и вывозъ ихъ въ Россію) и т. п.,—все это раздражало поляковъ, которые, не додумываясь до

сущности дѣла, полагали, что Россія будто бы и является ихъ главнымъ, непримиримымъ и самымъ опаснымъ врагомъ, который, къ тому же, будто бы хитростью, коварствомъ и т. п. качествами далеко превосходитъ другихъ враговъ и сосѣдей Польши, хотя бы даже пруссаковъ.

Это было въ высшей степени выгодно для нѣмецкихъ сосѣдей бывшей Польши, особенно же для Пруссіи.

Въ промежутокъ времени отъ окончанія семилѣтней войны до 1795 года, Пруссія добилась цѣли, намѣченной Фридрихомъ Великимъ — округленія своихъ границъ и увеличенія своей территоріи на счетъ Польши: при этомъ она получила не только такъ называемую королевскую (польскую) Пруссію и часть коренныхъ польскихъ земель съ столицею Польши Варшавою, но и нѣкоторую часть земель литовскихъ и даже русскихъ.

Австрія получила значительную часть коренныхъ польскихъ земель и немалую часть русскихъ земель съ соляными копями Бохніи и Велички.

Такимъ образомъ Россія, не воспользовавшись въ свое время удобными моментами для возвращенія отъ Польши всѣхъ западнорусскихъ земель, теперь была вынуждена дать трижды въ пользу Пруссіи и дважды въ пользу Австріи богатый выкупъ за право возвращенія даже не всѣхъ „отчинъ“ древне-русскихъ князей. Часть этихъ „отчинъ“ досталась нѣмецкимъ державамъ.

Императрица Екатерина II прекрасно понимала, что дѣло не было доведено до своего естественнаго конца, какъ это видно изъ слѣдующихъ ея словъ: „Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ. Но со

временемъ надобно вымѣнять у императора Галицію, она ему некстати“.

Такимъ образомъ раздѣлы Польши были весьма выгодны для Австріи и особенно для Пруссіи; Россіи же они хотя и доставили выгоды, но, говоря сравнительно, гораздо меньшія, чѣмъ ея соучастницамъ въ раздѣлахъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: а) объединеніе Руси все таки не было окончено, при чемъ часть русскаго народа попала подъ владычество католической Австріи; б) въ стратегическомъ отношеніи мы не пріобрѣли выгодной пограничной черты, такъ какъ овладѣли лишь однимъ берегомъ Нѣмана и З. Буга и не получили на нихъ обезпеченныхъ переправъ; в) для Россіи было бы выгоднѣе провести границу по Вислѣ и Сану, получивъ на нихъ обезпеченныя переправы и примкнувъ фланги къ Карпатамъ и къ Балтійскому морю у низовьевъ Вислы (что и было возможно въ послѣдній періодъ семилѣтней войны); г) наконецъ и въ нравственномъ отношеніи на Россію главнымъ образомъ и было взвалено чуть ли не все бремя отвѣтственности за раздѣлы Польши: отчего же бы и не нести это бремя, если бы Россія дѣйствительно получила выгоды, на которыя она не имѣла права; но вѣдь такія выгоды получили другія державы, участвовавшія въ раздѣлахъ; Россія же взяла, за исключеніемъ сравнительно небольшой части (литовскихъ земель), даже не все свое, да и то послѣ длиннаго ряда удивительныхъ усилій къ сохраненію той самой Польши, которая, въ теченіе $4^1/_2$ столѣтій, систематически упражнялась въ братоубійствѣ на счетъ довѣрчиво ей отдавшихся частей великаго русскаго народа.

Между тѣмъ, съ легкой руки поляковъ и различныхъ другихъ нашихъ враговъ, Россію и выставили въ той именно роли, которую разыграла Пруссія. И это не удивительно, ибо отъ враговъ нечего и ждать справедливости. Но удивительно то, что мы сами, воспитавшись на западно-европейскій ладъ, по западно-европейскимъ книжкамъ и держась западно-европейскихъ ученій, вообразили себя въ этомъ случаѣ виноватыми.

Не претендуемъ на то, чтобы вышеизложенный столь краткій очеркъ опровергъ вполнѣ подобные взгляды; но, быть можетъ, онъ выясняетъ путь, идя по которому, можно уразумѣть всю безпочвенность подобнаго самообвиненія.

Если, такимъ образомъ, несправедливы всѣ обвиненія, взводившіяся на Россію, то они несправедливы и по отношенію къ одному изъ лучшихъ сыновъ Россіи, котораго также чернили и не перестаютъ чернить ея и его враги, т. е. къ Суворову.

VIII. Заключительные выводы.

Мѣсто Суворова въ ряду дѣятелей по объединенію Россіи.

Вышеизложенное приводитъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

А) Такъ называемая „Польша“ представляла польско-литовско-русское государство, въ которомъ русскіе составляли половину, а поляки менѣе половины населенія; въ этомъ государствѣ, являвшемся какъ бы сою-

зомъ отдѣльныхъ земель, съ крайне слабою связью, царила анархія и крайній безпорядокъ; это былъ больной человѣкъ, излеченіе коего было невозможно.

Б) Въ ряду другихъ европейскихъ державъ Польша не пользовалась уваженіемъ; сосѣди же смотрѣли на нее, какъ на поприще удобное для утвержденія своего вліянія и какъ на готовый источникъ для полученія на ея счетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и т. п.

В) Превратившись въ авангардъ романо-германскаго міра, Польша отказалась отъ своего назначенія, какъ славянская держава; отдавъ нѣмцамъ своихъ западныхъ родичей, она, въ теченіе $4^1/_2$ вѣковъ, систематически занималась братоубійственнымъ умерщвленіемъ русской народности и сама вызвала переходъ русскихъ въ наступленіе, который являлся тѣмъ болѣе законнымъ, что Польша преграждала Россіи общеніе съ Западомъ, т. е. лишала ее возможности двинуться впередъ.

Г) Программа Іоанна III, сводившаяся къ объединенію всей Руси, вполнѣ отвѣчала историческимъ задачамъ и интересамъ Россіи. Уклоненіе отъ нея въ XVII и XVIII столѣтіяхъ можетъ быть объяснено въ значительной степени неблагопріятными для Россіи условіями политической обстановки. Послѣ кончины Петра I обстановка эта начала быстро улучшаться въ пользу Россіи, что не вызвало однако своевременнаго усовершенствованія програмы, въ смыслѣ приближенія ея къ идеямъ Іоанна III. Это объясняется главнымъ образомъ отчужденностью отъ русской національной почвы культурнаго слоя русскаго общества, воспитаннаго на западно-европейскій ладъ, а потому лишеннаго способности понимать дѣйствительные интересы Россіи.

Д) Совѣтники Императрицы Екатерины II, за малыми исключеніями, способствовали выработкѣ программы дѣйствій, по отношенію къ Польшѣ, не соотвѣтствовавшей ни дѣйствительному положенію дѣлъ въ этой странѣ, ни дѣйствительнымъ интересамъ Россіи. Подъ давленіемъ обстоятельствъ пришлось измѣнить эту программу и выйти на путь, указанный Іоанномъ III. Честь введенія этой поправки принадлежитъ главнымъ образомъ самой Императрицѣ, а часть проведенія ея въ жизнь русскимъ войскамъ и главнымъ образомъ Суворову, нанесшему Польшѣ рѣшительные удары въ два наиболѣе критическихъ историческихъ момента и, что особенно важно, окончательный ударъ въ 1794 г.

Ж) Суворовъ такимъ образомъ, явился наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ въ ряду русскихъ людей, работавшихъ надъ объединеніемъ Россіи, въ духѣ получаемыхъ свыше указаній. Поэтому и русскіе люди, преклоняясь съ благоговѣніемъ передъ памятью въ Бозѣ почивающихъ Державныхъ Вождей и объединителей Россіи, неминуемо сочтутъ долгомъ преклониться передъ памятью величайшаго изъ ихъ сподвижниковъ, Суворова.

Гдѣ бы ни былъ поставленъ ему видимый памятникъ, да будетъ онъ воздвигнутъ! Но еще важнѣе, чтобы въ сердцахъ нашихъ былъ воздвигнутъ памятникъ нерукотворный великому русскому человѣку, воину и полководцу, благодаря которому вновь соединилось то, что было разъединено и растерзано врагами Россіи!

П. А. Гейсманъ.

